

**ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ
І.І. МЕЧНИКОВА**

Богата Л.М.

Методичні рекомендації з курсу

«Методологія постмодерну»

для самостійної роботи студентів

спеціальності 7.02010101 / 8. 02010101 «Культурологія»

**МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ
ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені І.І.МЕЧНИКОВА
ФІЛОСОФСЬКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**МЕТОДИЧНІ РЕКОМЕНДАЦІЇ
З КУРСУ**

«Методологія постмодерну»

для самостійної роботи студентів спеціальності
7.02010101 / 8.02010101
«Культурологія»

**ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ
УНІВЕРСИТЕТ
імені І.І.Мечникова**

2015

УДК 165 : 7.038.6 : 001.8 (075.8)

ББК 87.22 я 81

Б 732

Богата Л.М.

Методичні рекомендації з курсу «Методологія постмодерну» для самостійної роботи студентів спеціальності 7.02010101 / 8.02010101 «Культурологія». – Одеса : Печатный дом, 2015. – 61с.

Рецензенти:

Соболевська О.К., доктор філософських наук, доцент кафедри культурології

Голубович І.В., доктор філософських наук, професор кафедри філософії і основ загальногуманітарного знання

Рекомендовано до друку Вченою радою
філософського факультету ОНУ імені І.І.Мечникова
Протокол № 1 від 28.08. 2015 р.

ВСТУП

Курс «Методологія постмодерну» є важливою складовою професійної підготовки студентів-культурологів. Цей курс є продовженням декількох програмних напрямів культурологічної освіти: історії європейської культури; методів гуманітарних досліджень; застосування філософських методів в культурологічному аналізі.

Курс спрямований на розвиток у студентів навичок самостійного дослідження складних текстів, освоєння нових термінологічних тезаурусів, виявлення і формування індивідуальних дослідницьких технік.

Мета викладання курсу – сформувати у студентів свідоме ставлення до проблем методології пізнання на прикладі виявлення методологічних пошуків французьких філософів - постструктуралістів. Дослідити місце постмодерну та посмодернізму в історії розвитку сучасної культури; сприяти формуванню і вдосконаленню навичок самостійного аналітичного мислення у сфері гуманітарного пізнання; опанувати можливості філософських підходів до дослідження процесів і тенденцій розвитку сучасного інформаційного суспільства.

Завдання курсу:

- показати місце, роль філософії в сучасній культурі, прояснити значення її методології для розвитку інтелектуальних та моральних якостей людини;
- познайомити студентів з історичними етапами формування культури постмодерну, з'ясувати зв'язок постмодерну з модерном; охарактеризувати особливості постмодерну в його порівнянні з структуралізмом;
- сформувати уявлення про основні філософські концепти постмодерну: *дискурс, концепт, епістему, деконструкцію, ризому, складку, повторення, розрізнення, симулякр* та інші. Продемонструвати категоріальний

і методологічний апарат постмодерну, розкрити його ціннісний та гуманістичний характер;

- прищепити смак до читання та дослідження сучасних філософських та культурологічних текстів;

- розвинути навички культурологічного аналізу і оцінки соціокультурних явищ, вміння формулювати і відстоювати власну позицію, сформовану за наслідками проведених досліджень.

Студент повинен **знати:**

- основні риси культури модерну, постмодерну;
- основні складові методів пізнання;
- відмінність між структуралізмом та постструктуралізмом;
- особливі риси модерну як специфічного етапу культурного розвитку;
- відмінності модерну та постмодерну;
- ключові постмодернові концепти Ж.- Ф.Ліотара;
- особливості методологічних новацій М.Фуко;
- постструктуралістські концепти, що розвивалися в роботах Ж.Дельоза та Ф. Гваттарі;
- особливості метода деконструкції, запропонованого Ж.Дерріда;
- відмінні риси постструктуралістської модифікації психоаналізу, що знайшли відображення в творчості Ж.Лакана;

Студент повинен **вміти:** .

- читати та аналізувати філософські тексти;
- відрізнити та знати специфіку використання того чи іншого методу гуманітарного пізнання;
- провести елементарний аналіз концептів, що досліджуються та належать до методологічної бази постмодерну;
- провести елементарний дискурсивний аналіз;
- пояснити сутність методологічних новацій постмодерну;

- охарактеризувати ключові постмодерністські концепти.

Згідно з навчальним планом дисципліна «Методологія постмодерну» вивчається протягом другого семестру п'ятого курсу на освітньо-кваліфікаційному рівні «спеціаліст» та упродовж першого семестру шостого курсу на освітньо-кваліфікаційному рівні «магістр». Курс розрахований на 28 годин аудиторних (лекційних) занять та передбачає проведення підсумкового заліку.

ТЕМАТИЧНИЙ ПЛАН

№	Тема	Кількість годин
1	Роль методології в формуванні та розвитку культури. Метод та його складові	4
2	Модерн та постмодерн. Постмодерн як культурне явище. Історія терміну постмодерн	4
3	Постмодерн з точки зору Ж.Ф.Ліотара	4
4	Археологічний та генеологічний метод М.Фуко	4
5	Метод деконструкції та децентрації Ж.Дерріда	4
6	Методологічні новації Ж.Лакана	4
7	Методологічні пошуки Ж.Дельоза та Ф.Гваттарі	4

ЗМІСТ КУРСУ

Тема 1. Роль методології в формуванні та розвитку культури.

Метод та його складові

Метод та методологія. Методологія як вчення про розвиток метода. Роль методології в процесах усвідомлення культури. Складові метода: методологічні принципи, методологічні ідеали та ідоли, методологічна свідомість, методологічні процедури, умови використання методу. Метод та парадигма. Сучасна культурна парадигма. Методи гуманітарного пізнання.

Тексти для самостійної роботи:

1. Крымский С.Б. **Экспликация философских смыслов** / С. Крымский. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 240 с.

2. Богатая Л.Н. **Метод и его составляющие** (фрагмент монографии «На пути к многомерному мышлению»: Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – С.61-74. (Обов'язкове опрацювання). [Додаток, 1].

3. Богатая Л.Н. **Размышления о парадигме и способах ее исследования** // Науковий вісник Чернівецького університету. Серія «Філософія». – 2013. – Вип. 663-664. – С.10-19. [Додаток, 6].

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *принцип, метод, методологія, методологічна процедура, методологічна свідомість, методологічні ідеали та ідоли, рефлексія.*

Основні питання до теми:

1. *Метод та його складові.*
2. *Загальні характеристики деяких методів гуманітарного пізнання: герменевтичний метод, феноменологічний метод, структуралістський метод.*

Тема 2. Модерн та постмодерн. Постмодерн як культурне явище. Історія терміну постмодерн

Умови виникнення модерну та його характерні риси. Постмодерн як реакція на культуру модерна. Ю.Габермас про ситуацію постмодерну. Постмодерн та постмодернізм: розрізнення понять. Дослідження феномену постмодерну. Постмодерн та ідея розриву в історії. Постмодерн і постструктуралізм. Аналіз методології постмодернізму в творчості Ф.Джемісона.

Тексти для самостійної роботи:

1. **Хабермас Ю. Модерн - незавершений проект** // Вопросы философии. – № 4. – 1992. С.40-53. (Обов'язкове опрацювання).

2. **Богатая Л.Н. Конец постмодернизма?** // Наукове пізнання: методологія та технологія. – Вип.1. – 2004. – №13. – С.17-25

3. **Вельш В. Наш постмодерний модерн** / Пер. з нім. А.Л.Богачова, М.Д.Култаєвої, Л.А.Ситніченко – К.: Альтерпрес, 2004. – 328 с. – («Сучасна гуманітарна бібліотека»).

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *модерн, постмодерн, модернізм, постмодернізм, постструктуралізм, авангард.*

Основні питання до теми:

1. Особливі риси *культури модерну*.
1. *Модернізм* як складова культури модерну.
2. *Авангард* у культурі модерну.
3. *Модерн* з точки зору Ю.Хабермаса.
4. *Постструктуралізм* та його відмінні риси.
5. Порівняння *структуралізму* та *постструктуралізму*.
6. *Постмодерн* та *постмодернізм*: розрізнення термінів.
7. Порівняння *модерну* та *постмодерну*.

Тема 3. Постмодерн з точки зору Ж.Ф.Ліотара

Ж.Ф. Ліотар та його робота «Стан постмодерну». Методи постмодерну як відображення нового стилю мислення. Принципи повторення та сумісності в формуванні ключових концептів постмодерну. Постмодерністський пастиш та колаж як способи побудови тексту. Колаж та бриколаж.

Тексти для самостійної роботи.

1. **Ліотар Ж-Ф. Постмодерн в изложении для детей** / Перевод с французского, примечания и общая редакция А.В. Гараджи. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. – 145 с. (Обов'язкове опрацювання).

2. **Hassan I. From Postmodernism to Postmodernity: the Local /Global Context.** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ihabhassan.com/postmodernism_to_postmodernity.htm.

3. **Богатая Л.Н. Бриколаж как прием многомерного мышления** (фрагмент монографии: Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – С. 304-311.) [Додаток, 3].

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *постмодерн, метаоповідання, знання, складність, еквівокація, тропи, парадокс, бриколаж*

Основні питання до теми:

1. Концепт *метаповідання* за Ж.-Ф.Ліотаром.
2. Складність за Ж.-Ф.Ліотаром.
3. Витоки терміну постмодерн.

Тема 4. Археологічний та генеологічний методи М.Фуко

Творчій шлях та основні тексти М.Фуко. Археологічний період творчості М.Фуко. Основні твори «археологічного» періоду : «Рождение клиники: археология взгляда медика» (1963); «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» (1966); «Археология гуманитарных наук» (1966); «Археология знания» (1969). Поняття дискурсу. Дискурс та дискурсивні утворення. Генеологічний період у творчості М.Фуко. Поняття епістемі. Трансгресія. Багатовимірна методологія.

Тексти для самостійної роботи.

1. **Фуко М. О трансгрессии** // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 113-131.(Обов'язкове опрацювання).

2. **Фуко М. Археология знания** / Перевод с французского С. Митина, Д. Стасова. Под общей редакцией Бр. Левченко. – К.;«НИКА-ЦЕНТР», 1996. – 208 с.

3. **Богатая Л.Н. «Многомерная методология» и «многомерный метод»** (фрагмент статьи: Богатая Л.Н. Eschatos в зеркалах предчувствий или о методе управления многоголосием // «Εσχάτως: философия истории в предчувствии конца истории». – Одеса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. – 366 с. – С. 350-361). [Додаток, 4].

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *епістема, дискурс, археологічний метод М.Фуко, генеологічний метод М.Фуко, трансгресія, концепт влади, багатовимірна методологія, багатовимірне мислення та дискурс-аналіз.*

Основні питання до теми:

1. *Археологічний метод* М.Фуко та його особливості.
2. Концепт *владі* у тлумаченні М.Фуко.
3. Поняття про *епістему* М.Фуко.
4. М.Фуко про *дискурс* та *методи* його аналізу

Тема 5. Метод деконструкції та децентрації Ж.Деріда

Критика європейської традиції логоцентризму. Світ як текст. Світ як багатосмісловне гетерогенне утворення. Відкритість тексту. Деконструкція тексту. Інтертекстуальність. Проблема інтерпретації тексту. Тема диферансу

в філософії Деррида. Два основних значення терміну «відмінність» в філософії Ж. Деррида.

Тексти для самостійної роботи:

1. Деррида Ж. Введение в деконструкцию // Московские лекции. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 6-46.

2. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие. – М.: Академический проект, 2000. – 453 с.

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *деконструкція, логоцентризм, текст, диферанс, розрізнення, інтертекстуальність.*

Основні питання до теми:

1. Нові погляди на *текст* у концепції Ж.Деррида.
2. Ключові концепти Ж.Деррида.

Тема 6. Методологічні новації Ж.Лакана

Впливи психоаналізу З.Фрейда на творчій шлях Ж.Лакана. Психоаналіз як прояв неklasичної парадигми. Структурний психоаналіз Лакана. Лакановський семінар. Поняття про мову та мовлення. Лакановське вчення про уявне, реальне, символічне. Тема дзеркала у творчості Лакана.

Тексти для самостійної роботи:

1. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.teneta.ru/rus/le/lakan.htm>

2. Богатая Л.Н. Размышления о парадигме и способах ее исследования // Научный вестник Чернивецкого университета. Серия «Философия». – 2013. – Вип. 663-664. – С.10-19. [Додаток, 6].

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *неklasична парадигма, уявне, символічне, реальне, мова та мовлення, складність*

Основні питання до теми:

1. Ж.Лакан про *мову* та *мовлення*.
2. Ключові концепти психоаналізу в версії Ж.Лакана.

Тема 7. Методологічні пошуки Ж.Дельоза та Ф.Гваттарі

Криза метадикурсів. Проблема буття та проблема становлення. Питання про «зсув» існуючих картин світу. Основні теми філософії Дельоза та Гваттарі: «завнішнє», «складка», «згортання». Поняття про концепт, архітектоніка концепту. Концепт ризоми. Культура «коріння» та культура

«ризомі». Геофілософія Дельоза-Гваттарі. Осмислення хаосу в філософії Дельоза-Гваттарі.

Тексти для самостійної роботи:

1. Делез Ж. **Актуальное и виртуальное** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yngo.at.ua/_ld/1/181_Biblioteka_Elen.html. (Обов'язкове опрацювання).

2. Делез Ж. **Кино** / Пер. с франц. Б.Скуратова. – М.: Издательство «Ад Маргинем», 2004. – 318 с.

3. Богатая Л.Н. **Концепт и понятие** (фрагмент монографии: Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – С. 222-228.) [Додаток, 5].

Обов'язкові терміни для опрацювання до теми: *концепт, номад, номадизм, рифлення простору, ризома, симулякр, віртуальне, план іманенції, план консістенції, хаос, складка*

Основні питання до теми:

1. *Ризома* Ж.Дельоза у контексті найближчих концептів.
2. *Рифлення простору* за Ж. Дельозом. *Номадизм. Королевська та номадична науки.*
3. Ж. Дельоз про *хаос, віртуальне, план іманенції, план консістенції.*

БАЗОВІ ПОНЯТТЯ КУРСУ

1. Метод
2. Методологічний принцип
3. Методологічна свідомість
4. Методологічні процедури
5. Парадигма
6. Феноменологічний метод
7. Герменевтичний метод
8. Структуралізм
9. Екзистенціалізм
10. Концепт
11. Коріння
12. Лабіринт
13. Постмодерн
14. Постмодернізм
15. Модерн
16. Постструктуралізм
17. Дискурс
18. Епістема
19. Метаоповідання
20. Концепт
21. Складка
22. Ризома
23. Деконструкція
24. Хаос
25. Диферанс (розрізнення)
26. Симулякр
27. Пастиш
28. Номад, номадизм
29. Трансгресія
30. Ріфлення простору

КОНТРОЛЬНІ ПИТАННЯ

1. *Метод* та його складові (за С.Б.Кримським).
2. Загальні характеристики деяких методів гуманітарного пізнання:
герменевтичний метод, феноменологічний метод, структуралістський метод.
3. *Концепт* як інструмент пізнання.
4. Особливі риси *культури модерну*.
5. *Модернізм* як складова культури модерну.
6. *Авангард* у культурі модерну.
7. *Модерн* з точки зору Ю.Хабермаса.
8. *Постструктуралізм* та його відмінні риси.
9. Порівняння *структуралізму та постструктуралізму*.
10. *Постмодерн та постмодернізм*: розрізнення термінів.
11. Порівняння *модерну та постмодерну*.
12. Витоки терміну *постмодерн* за П.Андерсеном.
13. Концепт *метаповідання* за Ж.-Ф.Ліотаром.
14. Складність за Ж.-Ф.Ліотаром.
15. *Археологічний метод* М.Фуко та його особливості.
16. Концепт *владі* у тлумаченні М.Фуко.
17. Поняття про *епістему* М.Фуко.
18. М.Фуко про *дискурс та методи* його аналізу.
19. *Ризома* Ж.Дельоза у контексті найближчих концептів.
20. *Ріфлення простору* за Ж. Дельозом. *Номадизм. Королівська та номадична науки.*
21. Ж. Дельоз про *хаос, віртуальне, план імманенції, план консистенції*.
22. Ж.Лакан про *мову та мовлення*.
23. Ключові концепти психоаналізу в версії Ж.Лакана.
24. Нові погляди на *текст* у концепції Ж.Дерида.
25. Ключові концепти Ж.Дерида.

ОСНОВНА ЛІТЕРАТУРА ДО КУРСУ

1. Алексеева Е. А., Тузова Т. М. Деконструкция. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/d/Dekonstrukcia.html>
2. Бодрийар Ж. Символический обман и смерть. – П.: 1976. – 392с.
3. Бычков В. Феномен неклассического эстетического сознания // Вопросы философии. – 2003. – № 10. – С. 61.
4. Вайнштейн О. Б. Постмодернизм: история или язык? // Вопросы философии. – 1993. – №3. – С. 3-7.
5. Гидденс А. Постмодерн // Философия истории: антология. М.: Логия, 1994. – 85 с.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tfk1.narod.ru/rizoma.htm>.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с франц. С.Н. Зенкина. - СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
8. Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я. Я. Свирского. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
9. Делёз Ж. Различие и повторение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/deleuze/01/index.html>.
10. Деррида Ж. Диссеминация / Пер. с франц. Д. Кралечкина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 608 с.
11. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие. – М.: Академический проект, 2000. – 453 с.
12. Деррида Ж. О грамматологии. / Пер. с франц. Н.С. Автономовой. – М.: Прогресс, 2000. – 250 с.
13. Деррида Ж. Письмо к японскому другу. // Вопросы Философии. 1999. – №4. – С. 55 – 78.
14. Деррида Ж. Насилие и метафизика // Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. – С. 124–249.
15. Деррида Ж. Деррида в Москве: деконструкция путешествия / Пер. с фр. и англ.; Предисл. М.К. Рыклина. М.: Культура, 1993. – 171 с.
16. Деррида Ж. Введение в деконструкцию // Московские лекции. –Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 6–46.
17. Деррида Ж. Философия и литература: Беседа с франц. философом Ж. Деррида // Жак Деррида в Москве. – М.: РИК "Культура". AdMarginem, 1993. – 221 с.
18. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие. - М.: Академический проект, 2000. – 453 с.
19. Деррида Ж.: Интервью с Жаком Деррида // ArborMundi / Мировое древо. 1992. Вып. 1. – 560 с.
20. Джонсон Ф. и Вигли М. Деконструктивная архитектура. – М.: Прогресс, 2002. – 261с.
21. Золотухина-Аболина Е.В. Постмодернизм: распад сознания? // Общественные науки и современность. – 1997. – N 4. – С. 74.
22. Ильин И.П. Постмодернизм // Словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – С. 207-220
23. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
24. Лиотар Ж.-Ф. Переписать современность // Ступени: Философский журнал. – 1994. – № 2. – С. 103.
25. Лиотар Ж.Ф. Деррида Ж , Бодрийар Ж, Делез Ж, Ф. Гваттари. Философия XX века. Учебное пособие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Fil_XX/_3_1.php

26. Маньковская Н.Б. Париж со змеями: Введение в эстетику постмодернизма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Mank/index.php.
27. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма // СПб.: Аллетайя, 2000. – 241 с.
28. Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия, М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – С. 306-307.
29. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. М., 1994. – С. 141.
30. Новейший философский словарь. Постмодернизм / Главный научный составитель и редактор А.А.Грицанов. – Мн.: Современная литература. 2007. – 816 с.
31. Постмодернизм: энциклопедия. – Сост. и науч. ред. Грицанов А.А., Можейко М.А. – Мн.: Интерпрессервис, 2001.
32. Ратников В.П. Постмодернизм: истоки, становление, сущность // Философия и общество. – М.:ФАИР – ПРЕСС, 2002. – 128 с.
33. Серль Дж. Р. Перевернутое слово // Вопр. философии. 1992. – №4. – С. 13 – 23.
34. Силичев Д.А. Ж. Деррида: деконструкция, или философия в стиле постмодерн // Философские науки. 1992. №3. – С. 17 – 31.
35. Сухина И.Г. Культурный универсализм и культурные универсалии в контексте концепции ноосферы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Niz/2005_5/suhina.htm
36. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40-52.
37. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. – Под редакцией В. С. Стёпина. – М.: Мысль. 2001.
39. Фуко М. Археология знания / Перевод с французского С. Митина, Д. Стасова. Под общей редакцией Бр. Левченко. – К.:«НИКА-ЦЕНТР», 1996. – 208 с.

ДОДАТКОВА ЛІТЕРАТУРА ДО КУРСУ

1. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н.С. Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 704 с. (Humanitas).
2. Автономова Н. С. Философский язык Жака Деррида / Н. С. Автономова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. - 510 с. – (Российские Пропилеи).
3. Андерсон П. Истоки постмодерна / пер. с англ. А.Апполонова под ред. М. Маяцкого М.: Изд.дом «Территория будущего», 2011. – 208 с. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
4. Вельш В. Наш постмодерный модерн / Пер. з нім. А.Л.Богачова, М.Д.Култаєвої, Л.А.Ситніченко – К.: Альтерпрес, 2004. – 328 с. – («Сучасна гуманітарна бібліотека»).
5. Габермас Ю. Постметафізичне мислення / Пер. з нім. В. Купліна. – Київ: Дух і Літера, 2011. – 280 с. – («Сучасна гуманітарна бібліотека»).
6. Гіденс Е. Нестримний світ: як глобалізація перетворює наше життя. – К.:Альтерпрес, 2004. – 100 с. (Сучасна гуманітарна бібліотека).
7. Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе / Ф.И.Гиренок. – М.: Академический проект, 2008. – С. 6–27.
8. Делёз Ж. Переговоры. 1972—1990 / Пер. с франц. и вступ. ст. В. Ю. Быстрова. – СПб.: Наука, 2004. – 234 с.
9. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с франц и послесл. Я.И. Свирского; науч. Ред. В.Ю. Кузнецов.– Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. - 895 с. .
10. Делез Ж. Актуальное и виртуальное [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yngo.at.ua/_ld/1/181_Biblioteka_Elen.html
11. Делез Ж. Кино / Пер. с франц. Б.Скуратова. – М. : Издательство «Ад Маргинем», 2004. – 318 с.
12. Жижек С. Устройство разрыва. Паралаксное видение. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 516 с.
13. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. — М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. — 416 с.
14. Култаева М. Локальное в лабиринтах всемирного общества: методологический аспект / М.Култаева // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 34-45.
15. Князева Е.Н. Как возможно мышление о сложном и управление сложностью? // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 81-84.
16. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. — М: Русское феноменологическое общество/Логос, 1997. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.koob.ru/lakan_zhak/seminars_5
17. Лакан Ж. Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). — М.: Гнозис/Логос, 1998. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.koob.ru/lakan_zhak/seminars_5
18. Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). — М.: Гнозис/Логос, 1999. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.koob.ru/lakan_zhak/seminars_5
19. Лакан Ж. Семинары. Книга 5: Образования бессознательного (1957/58). — М.: Гнозис/Логос, 2002. – 608 с.
20. Лакан Ж. Семинары. Книга 7: Этика психоанализа (1959/60). — М.: Гнозис/Логос, 2006. – 416 с.
21. Лакан Ж. Семинары. Книга 10: Тревога (1962/63). — М.: Гнозис/Логос. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.koob.ru/lakan_zhak/seminars_5

22. Лакан Ж. Семинары. Книга 11: Четыре основные понятия психоанализа (1964). — М.: Гнозис/Логос, 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.koob.ru/lakan_zhak/seminars_5
23. Лакан Ж. Семинары. Книга 17: Изнанка психоанализа (1969/70). — М.: Гнозис/Логос, 2008. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.koob.ru/lakan_zhak/seminars_5
24. Лакан Ж. Имена — Отца. — М: Гнозис/Логос, 2005. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.koob.ru/lakan_zhak/seminars_5
25. Морен Э. К пропасти? / Э. Морен; пер. с франц. Г. Наумовой. – СПб.: Алетейя, 2011. – 136 с. – (Gallicinium).
26. Свирский Я. И. Самоорганизация смысла: (опыт синергетической онтологии) / Яков Иосифович Свирский. – М.: ИФ РАН, 2001. – 181 с.
27. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака. Очерки по лингвоэстетике и семиотике искусства. – М. : Языки славянских культур, 2014. – 640 с.
28. Философия мышления : [сборник статей] / ред.кол. Л.Н.Богатая, И.С.Добронравова, Ф.В.Лазарев; отв. Ред. Богатая Л.Н. – Одесса : Печатный дом, 2013. – 444 с.

ІНТЕРНЕТ-РЕСУРСИ

1. <http://www.koob.ru/philosophy/> -Электронная библиотека “Куб”
2. <http://www.e-puzzle.ru/> - электронная библиотека “Пазлы”
3. <http://www.lib.ru/FILOSOF/> Библиотека М. Мошкова
4. <http://ihtik.lib.ru/> Философская электронная полнотекстовая библиотека от Ихтика
5. [http://imwerden.de/cat/modules.php?name ... ate&cid=27](http://imwerden.de/cat/modules.php?name...ate&cid=27) лит-ра по философ.
6. <http://www.litportal.ru/index.html?r=208> философия на литпортале
7. <http://psylib.kiev.ua/> -псих.библ-ка Киевского фонда сод. развитию псих. культуры
8. <http://www.magister.msk.ru/library/philos/philos.htm> философия
9. <http://abuss.narod.ru/Biblio/philozip.htm> архив философии
10. <http://filosof.historic.ru/books.shtml> лит-ра по философии
11. <http://philosophy.ru/> философский портал
12. <http://elenakosilova.narod.ru/uhref.html> Библиотека Елены Косиловой
13. <http://sovphil.narod.ru/catalog.html> библиотека
14. <http://grachev62.narod.ru/> библиотека М.Грачева
15. <http://philosophy.allru.net/> Золотая философия
16. <http://filosof.historic.ru/> Библиотека по философии.
17. http://lib.pomorsu.ru/elib/text/phil_tr.htm библиотека философии
18. <http://www.ladoshki.com/?books&group=29> лит-ра по философии
19. http://lib.rus.ec/g/sci_philosophy Либрусек

ДОДАТОК

1. Богатая Л.Н. Метод и его составляющие (фрагмент монографии «На пути к многомерному мышлению»: Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – С.61-73.)

*Мет одология – эт о принципиально философский срез знания.
С.Б. Крымский [2].*

*Мет од не ест ь однаж ды данная от мычка...он получает обогащение в процессе познания...
Ю.В. Сачков [4, с. 7].*

Метод (от греч. *Methodos* – путь, исследование, прослеживание)

Утро после метели дарит возможность удивительного занятия – отслеживания того, как прокладываются *новые пут и*. Совершая первые шаги по ослепительно белому снегу, первые путники пытаются вспомнить расположение тех тропинок, которые оказались скрытыми снегом. И только некоторые смельчаки отваживаются на прокладывание путей, по которым пока никто не ходил. Чаще всего эти пути так и остаются одиночными линиями. Но иногда путь, проложенный на снегу, запоминается и его жизнь оказывается более долгой. Можно придумать самые рациональные способы проектирования расположения дорог, но, по каким-то неведомым причинам, человек всегда прокладывает *свои* тропинки. Известно, что как-то к И.Е. Курчатову, не только талантливому физика, но и блестящему менеджеру строители обратились вопросом: как расположить дорожки на территории института, директором которого был Курчатов. Ответ Игоря Евгеньевича был весьма прост: все дорожки, которые нужны людям, уже проложены. Их остается только увидеть и заасфальтировать.

Можно вообразить удивительно интересный проект под названием: *дороги, кот орые прокладывает человек*, – длинные, короткие, широкие, узкие, извилистые и совершенно прямые. Самого элементарного житейского опыта достаточно для того, чтобы понять, что характер дороги зависит от рельефа местности, от общеэкономических и идеологических условий в стране, от существующих технологий. Характер будущей дороги предопределен многими факторами.

После того как дорога построена, начинается обратный процесс: дорога формирует, воспитывает человека. Вспоминается, ставшее уже традиционным противопоставление *дорог Запада и дорог Славянского мира*. Или – знаменитое путешествие А.П. Чехова на Сахалин по *бездорож ью*. Из всех этих, пожалуй, очень простых наблюдений можно сделать достаточно интересные выводы. Но...задача данного текста иная.

Не менее интересным, нежели изучение дорог, является исследование *мет одов*, с помощью которых человек познает окружающий мир. Методы познания во многом похожи на проложенные человеком на поверхности Земли дороги и тропинки. Некоторые методы, как магистральные пути, достаточно хорошо изучены, оснащены. Но существует множество вспомогательных методических приемов, процедур, которые можно ассоциировать, скорее, с проселочными дорогами, небольшими дорожками.

Методы – это следы интеллектуальных усилий человека. В чем-то метод похож на глубинное знание, которое вначале интуитивно, не очень осознанно нащупывает исследователь. Метод обретает свои очертания только в результате практических действий, его нельзя изобрести, а затем применить. Вначале все происходит наоборот: человек что-либо делает и только потом исследует результаты своих действий. По ним и обнаруживается сам *мет од*, процедурно проявляется.

Если речь идет о науке, то первую рефлекссию по поводу научных методов осуществляют сами же ученые. Но чаще всего подобная деятельность ограничивается достаточно частными замечаниями, суждениями *по поводу*. Хотя следует признать, что без соответствующих откровений тех, кто непосредственно причастен совершению научных открытий, было бы сложно осознать технологии получения нового знания. Окончательную, итоговую работу по прояснению того или иного научного метода осуществляет *мет одолог*. В его задачу входит не только экспликация метода, но и его соотнесение с уже существующим методическим инструментарием.

В поле зрения методолога попадают не только результаты научных работ, но и плоды гуманитарных, философских исследований. Тем самым формируется более высокая точка обзора, предполагающая уже не только проведение частнометодических прояснений, но и воссоздание, обозрение некоторой *общемет одологической целостности*. Процесс этого воссоздания начинается с прощупывания отдельных частнометодических корреляций.

Давно стали историей времена *мет одологического монизма*, когда те или иные гениальные одиночки пытались одарить человечество открытием некоторого универсального метода. К настоящему моменту понятно, что универсального метода не существует и каждая достаточно серьезная, принципиально новая проблема, со свойственной ей спецификой объектов исследования, требует особого методического инструментария. В результате формируется определенное методическое многообразие, в котором могут быть обнаружены отдельные корреляции, интегрирующие тренды. Все эти процессы исследуются в рамках такой специфической области философской деятельности, как *мет одология познания*.

Размышления о *мет одологической целостности* еще и еще раз направляют внимание на классические методы – *анализа* и *синтеза*, в достаточной близости к которым обнаруживается процедура *компактификации*.

Компактификацию можно рассматривать как процедуру смещения фокуса интенции с одного иерархического уровня исследования на вышележащий. В определенном смысле *компактификация* близка операции *сжатия*. Так же, как и в результате *сжатия*, при *компактификации* происходят *некоторые* структурные изменения в системе, по отношению к которой операция компактификации была применена. При компактификации эти изменения являются более значительными, нежели при сжатии, но меньшими, чем в результате синтеза. Фактически, итогом компактификации оказывается смена одной структуры структурой иной, *чаще всего* более высокого уровня организации. В отличие от процедуры *синтеза*, вследствие которой переход на вышележащий иерархический уровень является обязательным, процедуры компактификации могут вести к незначительным иерархическим подвижкам. Достаточно близкой компактификации оказывается операция *редукции* (латинское слово *reductio* означает – логический прием преобразования каких-либо данных к более удобному с какой-либо точки зрения виду). Интересен биологический смысл термина *редукция*, понимаемый как *упрощение* строения или *исчезновение* органов в связи с утратой их функций в процессе эволюции. Именно этот смысл оказывается ближе всего смыслу, вкладываемому в термин *компактификация*. Однако близость вовсе не означает тождественности. При наличии определенной операционной схожести процедур *компактификации*, *сжатия*, *редукции*, *синтеза*, близости в смысле осуществления той или иной структурной перестройки, обнаруживаемой у группы объектов, по отношению к которым применяются соответствующие операции, каждая из них имеет свои особенные отличительные признаки.

В ходе размышлений о *компактификации* естественно возникает вопрос: зачем вводить предположение о существовании новой процедуры, назначение которой осознается пока еще достаточно смутно? Подобные вопросы задавались, к примеру, Жаку Лакану, который в своих психоаналитических исследованиях достаточно широко

использовал отдельные термины топологии и, в частности, термин *компактификация*. Многие математики подобные терминологические заимствования Лакана называли *злоупотреблениями*, научными *некорректностями*. Примером тому является достаточно интересная работа двух профессоров физики Жана Брикмона и Алена Сокала «Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна» [1]. Авторы отмечают, что употребление Лаканом топологической терминологии оказывается не просто вольным, а не имеющим ничего общего с теми значениями, которые закреплены за соответствующими терминами в математике. К мнению известных профессоров интересно прислушаться и даже, вероятно, некоторые из их аргументов можно было бы принять, если бы Лакан вел свои размышления в контексте математических исследований. Его же психоаналитические толкования осуществлялись в философском ключе, соответствующие тексты не следует относить ни к области математики, ни к психоаналитике. А если так, то топологические термины оказались в несвойственном для них концептуальном окружении и выступали в роли метафор с их конструктивным потенциалом, требующим последующего философского прояснения.

Все сказанное о *компактификации* является иллюстрацией того, что *мет одологические сдвиги*, *мет одологические подвижки* обнаруживают себя на процедурном уровне. Все начинается, возможно, с проявления не совсем понятных с методологической точки зрения *практик*, в которых, при последовательном рассмотрении, можно выделить те или иные *мет одические приемы*, *мет одические элементы*, в своем единстве представляющих *мет одологическую процедуру*, которая проясняется в результате сопоставления с процедурами близкими, уже достаточно хорошо освоенными. И только затем появляется некоторая вероятность того, что вновь обнаруженное «методическое образование» можно ввести в состав того или иного метода. Справедливости ради следует заметить, что многие процедурные новации могут так и остаться методологическими курьезами, так и не проявив своего методологического потенциала.

Вера и метод

На первый взгляд может показаться, что *вера* и *метод* понятия сложносовместимые. В первую очередь по причине того, что *вера* традиционно соотносится с *религией*, а метод с *наукой*. С другой стороны, все, что касается веры, имеет личную, субъектную окраску. Когда же речь заходит о методе, то *как бы* само собой разумеется, что речь идет о чем-то *объективном*, *общепризнанном*, почти *истинном*. Хотя, как минимум, следует согласиться с Ю.В. Сачковым в том, что «метод не есть однажды данная отмычка... он получает обогащение в процессе познания» [4, с. 7]. Как максимум, можно принять позиции *фундаментальных мет одологических сомнений*, развиваемых П. Фейерабендом.

Связь между *верой* и *методом* проясняется в результате размышлений о *глубинной личностной включенности* и субъекта познания в познавательный процесс. М. Полани по этому поводу замечает: «Всякий акт познания включает в себя молчаливый и страстный акт личности, познающей все, что становится известным, и этот вклад не есть всего лишь некоторое несовершенство, но представляет собой необходимый компонент всякого знания вообще» [3, с. 319]. Приведенную в цитате мысль можно некоторым образом уточнить, обратив внимание на смыслы терминов *познание*, *сознание*, *знание*. *Сознание* и *познание*, если рассматривать их как когнитивные процедуры, направлены на оперирование *знанием*. Или иначе: и *сознание*, и *познание* возможны только благодаря тому, что существует *знание*, они вторичны по отношению к *знанию*. Глаголы *сознать* и *познать* обозначают действия, связанные со знанием. Причем *познать* подчеркивает действие, которое можно осуществить только *после* обнаружения знания. Что же касается термина *сознание*, то с его помощью акцентируется *процедура совместности* и,

ствивания того или иного *знания* в результате лично осуществяемого интенционального акта.

Если теперь перевести внимание на термин *знание*, то можно мыслить, по крайней мере, существования двух смысловых уровней его функционирования. Первый уровень может быть определен как уровень *личност ного* знания. Это то знание, которое оказывается впервые обнаруживаемым. Именно об этом, личностном знании, полученном в результате индивидуальных творческих усилий, и размышляет М. Полани. Но термин *знание* может иметь и смысл иной, а именно – *общеприня ое, объект ивное, ист инное знание*. Возникновение подобного знания можно представить следующим образом: *личност ное знание*, проходя многочисленные процедуры частных познавательных, сознательных актов, переводится тем или иным культурным сообществом в разряд *ист инного знания*. При этом оказывается не столь важным, что к *ист инному знанию* это знание вовсе и не имеет никакого отношения. Так, в какой-то исторический момент *ист инным знанием* считалось то, что Солнце и все планеты вращаются вокруг Земли, затем эта система знаний была заменена на гелиоцентрическую. И *ист инным* знанием признавалось знание *иное*. Начиная с эпохи эмпиризма, знанием стали считать все то, что согласуется с результатами эксперимента (хотя, опять же, сомнительность подобной установки достаточно аргументировано представлена в позициях П. Фейерабенда). В любом случае, как бы ни относиться к вопросу о необходимости обязательного экспериментального подтверждении того, что претендует на переход с уровня *личност ного знания* на уровень *знания общеприня ого*, важно еще раз подчеркнуть, что термин *знание* можно понимать в двух смыслах – как *знание личност ное* и *знание, принят ое всем культ урным сообщест вом*. Принятие приведенного различения ведет к тому, что любая *познават ельная деят ельность*, равно как и любая *сознат ельная деят ельность* обретают двухуровневость. Или иначе: *познание* и *сознание* могут осуществляться либо на уровне коллективного, *общеприня ого знания*, либо на уровне *личност ного знания*.

В процессе обретения *личност ного знания* чрезвычайно важен акт *веры*. Можно полностью разделить точку зрения М. Полани о том, что «верить во что-то – значит осуществлять мысленное действие» [3, с. 320]. В качестве подкрепления обозначенной позиции Полани приводит знаменитые слова Лютера: «На том стою и не могу иначе». Многие поступки, совершаемые человеком, а мыслительный акт, несомненно, следует рассматривать как поступок, осуществляются в состоянии глубокой веры.

Размышления о *вере* в контексте *личност ного знания* совершенно естественно актуализируют представления об *от вет ст венност и* за то, что человек проводит в мир под видом *личност ного знания*. Полани в этой связи замечает следующее: «Веря в оправданность сознательно взятых на себя интеллектуальных обязательств, я принимаю эти случайности личностного существования как конкретные возможности для осуществления нашей личной ответственности. Это принятие есть чувство моего призвания» [3, с. 336]. Обнаруживаемое человеком *личност ное знание* обязательно предполагает взятие на себя *от вет ст венност и*. За все сказанное, за все записанное автору предстоит держать *от вет*. И эта *от вет ст венност ь* ощущается так же остро, как и *призвание*. Именно *от вет ст венност ь* автора требует выверения каждого сказанного и записанного слова. *Личност ное знание* может быть принято или не принято культурным сообществом, но это принятие или неприятие является вторичным. Первого и самого серьезного критика Автор встречает в лице самого себя. И первый ответ он держит перед самим собой.

Интересно то, что к размышлениям о связи *веры* и *мет ода* можно подойти совершенно с другой стороны, а именно – со стороны *логики*. Наличие личностной компоненты можно обнаружить и в строгих логических процедурах. Для этого необходимо обратить внимание на термин *пропозиция*. Как отмечено в словарях, *пропозиция* это то, что говорится или утверждается данным предложением в

повествовательном наклонении. Пропозиции формируют пропозициональные установки. *Пропозициональные установки* (англ. *Propositional attitudes*) – это выражения, обозначающие намерения, желания, восприятия, представления какого-либо. Впервые термин *пропозициональные установки* был использован Б. Расселом, понимавшим под этим термином психологическую предрасположенность субъекта к определенному видению объекта. В среде логиков до сих пор не прекращаются дискуссии по вопросу о статусе *пропозициональных установок*, которые, с одной стороны, существенно усложняют анализ текстов, ибо приводят к возникновению эффекта наложения различных смысловых множеств, с другой стороны, вводят *личностное* начало в формирование тех или иных высказываний.

В каком-то смысле *пропозиции*, сформированные благодаря *пропозициональным установкам*, противоположны *протокольным предложениям*, представления о которых было введено и активно рассматривалось в рамках логического позитивизма. С помощью протокольных предложений вербально проявляется, фиксируется эмпирический фундамент науки. И тогда одна из важнейших логических задач заключается в логически корректном соотнесении *пропозициональных, теоретических и протокольных* предложений. Понятно, что рассуждения о пропозициональных установках и протокольных предложениях является делом логиков. Для целей же данного исследования достаточно только обратить внимание на тот факт, что *личностное начало* обнаруживает себя да же в рамках строгих логических построений.

Размышляя о *вере* и *методе*, интересно обратиться к еще одному высказыванию М. Полани. Он, в частности, отмечал: «Отказываясь от тщетной погони за формализованным методом, концепция вовлеченности принимает вместо этого личность ученого в качестве деятельного субъекта, ответственного за проведение и удостоверение научных открытий» [3, с. 318]. В данном случае есть основание не совсем согласиться с английским историком науки. *Личностное проводимое знание* все равно добывается с помощью какого-либо метода, неся в себе самом его отпечатки. К сожалению, этот метод не легко обнаружить, но из этого не вытекает, что следует отказываться от соответствующих попыток. Ибо – понимание метода дает не только определенную методологическую вооруженность, но и способствует развитию методов других, а следовательно – обогащает когнитивный арсенал исследователя. Потому еще раз важно подчеркнуть: принятие позиций личностной вовлеченности субъекта познания никак не связано с отрицанием значимости метода, с помощью которого это знание обнаруживается.

О методе и объекте

Утверждение о том, что выбор *метода* исследования предопределяется *характером изучаемого объекта*, видится настолько очевидным, что проведение каких бы то ни было рассуждений по этому поводу кажется заведомо лишенным интереса. Тем не менее, изменение точки зрения на те или иные *очевидности* и иногда может способствовать обнаружению достаточно интересных результатов.

Абсолютно понятно, что выбор объекта исследования связан с проведением самой первой процедуры, которую можно обозначить как *разрушение целостности*. Эта процедура может быть отнесена к *протокольному обращению*, обращение к которому имеет место на самом первом этапе прикосновения к влекущей реальности, первом фокусировании, следствием которого оказывается выделение *объекта*.

Именно на этой стадии исследования включаются первые *методологические установки*. Исследователь определяет, в каком ключе – *гуманитарном* или *естественнонаучном* – он буде вести исследование, соответственно этому подбирается метод, язык, выстраивается контекст. Чаще всего обозначенные действия осуществляются неосознанно. Но неосознанность не означает *незначимость*. Ибо если всех отмеченных

действий не осуществить, то может возникнуть ситуация методологической неопределенности.

Проведенное В. Дильтеем разделение наук на *науки о духе* и *науки о природе* настолько глубоко вошло в методологическое сознание современных исследователей, что естественность подобного разделения не вызывает никаких сомнений. К сожалению, возникшая в результате этого фундаментального разделения методологическая дифференциация стала причиной фундаментальных разрывов общекультурного когнитивного пространства. Возможно, для того, чтобы смягчить сложившуюся ситуацию и целесообразно возвратиться к продумыванию протометодологической стадии исследования, к стадии выделения *объекта* из *общемировой целостности*.

На первой стадии обнаружения объекта наиболее значимыми оказываются операции *интендирования*, *восприятия*, *обозначения выбранного объекта*, *формирования представлений о нем*. Все эти операции *личностно* окрашены. Соответственно, они и приносят элемент личностного знания. Следующий исследовательский шаг, который все еще относится к протометодологической стадии, актуализирует операции *редукции* и *абстракции*, с помощью которых из первоначально проявленных объектов и соответствующих им вербальных массивов выделяются отдельные группы терминов, в контексте которых и осуществляется дальнейшее исследование. Значимость этой протометодологической стадии сложно переоценить, ибо именно на ней формируется *мерность пространства* исследования (соответствующий термин будет прояснен в третьем разделе), задаются теоретические и концептуальные установки.

С операций *редукции* и *абстракции*, вероятно, и берет начало конкретизация того или иного метода исследования. В этой связи определенные сомнения вызывают распространяющиеся в настоящее время *антиредукционистские настроения*. Странно читать и слышать о сравнении *редукции* со *злом*, уводящим человека от человеческого. Нелепо и противопоставление *гуманитарного* и *естественнонаучного* знания через противопоставление *антиредукционизма* и *редукционизма*. Вероятнее всего, антиредукционистские настроения сопряжены с недостаточным осознанием самой операции редукции. Для того чтобы что-либо *понять*, необходимо это что-либо *выделить*, *обозначить* и *очистить* от всего лишнего, препятствующего пониманию (с точки зрения того или иного исследователя). А, в самом грубом приближении, подобное очищение и есть редукция.

Если еще раз вернуться к осмыслению начального этапа применения любого метода, а именно – *этапу выделения объекта из общей целостности*, то важно заметить, что именно здесь интеллектуальный поиск подвержен максимальной опасности оказаться под влиянием той или иной теоретической установки, которая может проявиться уже в том или ином *специфическом наборе терминов*, с помощью которых начинается исследование. Поэтому некритическое отношение к неявным предпосылкам в исследовательской работе может негативно повлиять на результаты всего труда.

Метод в контексте ближайших когнитивных инструментов

Размышления о методе предполагают поиск ответа на вопрос о том, в контексте какого когнитивного инструментария метод себя обнаруживает. Продумывание соответствующего вопроса стимулировалось знакомством с чрезвычайно интересной книгой С.Б. Крымского, посвященной рассмотрению «метода как такового».

Принципы

Латинское слово *principium* означает *основа, начало*. За термином *принцип* исторически зафиксировалось три основных значения. Первое связано с толкованием *принципа* как первопричины или того, из чего *ничто* существует или будет существовать. Такой первопричиной, к примеру, для Гераклита был *огонь*, для Пифагора – *число*, Шопэнгауэра – *воля*. С другой стороны, *принцип* может рассматриваться как

основополагающее теоретическое знание, которое не предполагает наличия доказательства (подобно *аксиоме* и *постулату*). Третье значение термина означает *основополагающую этическую норму*, которая во многом предопределяет поступки индивида. Столь подробное погружение в семантику термина связано с попыткой фиксации основных акцентов, которые важны для понимания того, как *принцип* обогащает *метод* при их совместном применении. Как отмечает С. Крымский, «в состав каждого метода входят... принципы как субъективное выражение в нормативно-императивном наклонении объективных закономерностей познания тех или иных предметных отраслей [2, с. 122].

Соотнесение *принципа* и *метода* придает последнему основательность и фундаментальность, в определенной мере – культурную включенность, ибо каждый этап культурного развития осуществляется под влиянием тех или иных принципов. Так, в первой половине двадцатого века обнаруживалось сильное влияние принципов *дополнительности* и *неопределенности*. Эти принципы стали символами современного научного знания.

Говоря о роли принципов в формировании метода, нельзя обойти вниманием вопрос о влияниях *парадигмальных*. Однако при этом следует соблюдать определенную осторожность. В том, что парадигма играет фундаментальную роль в формировании *научных методов*, – не возникает никаких сомнений. Однако, ведя речь о *всеобщих* методах познания (а не только научных), вероятно, следует мыслить лишь косвенное парадигмальное участие, ибо всеобщие методы скорее всего имеют надпарадигмальный статус.

Идеалы и идолы

К следующим когнитивным элементам, в контексте которых происходит становление и развертывание метода, следует отнести *идеалы* и *идолы*. В качестве примера подобных идеалов, способствующих формированию метафизического метода, С. Крымский приводит «понимание мира как агрегата вещей, а потом и машиноцентризм, когда по аналогии с механическими устройствами рассматривались все феномены природного и социального бытия» [2, с. 123]. *Идеалы* не являются раз и навсегда заданными. Сыграв свою культурную роль, они устаревают и превращаются в *идолов*, сдерживающих дальнейшее культурное развитие. К своеобразным идолам современности С. Крымский относит *панматематизм*, универсальность *системного анализа*. К приведенному ряду можно было бы еще добавить идол *историзма*, или идол универсальных возможностей *синергетического метода*. Понятно, что одного этого замечания достаточно, для того, что привести в состояние недовольства почитателей идей синергетики или ортодоксальных сторонников исторического метода. Поэтому, хотя бы для незначительного смягчения сказанного, следует подчеркнуть, что конструктивность метода историзма равно как и синергетического метода – *несомненна*, но соответствующие методы имеют строго определенные границы своего применения. Преодолению идола историзма, к примеру, способствует распространение идеи *синхронности* и, развиваемой К.Г. Юнгом.

Условия применимости и метода

Рассматривая когнитивные инструменты, в контексте которых разворачивается метод, следует особое внимание обратить на фиксирование *условий его применения*. Опять же, как отмечал С. Крымский, «к множеству существенных характеристик метода относятся также предпосылки его применения» [2, с. 124]. Отмеченное кажется прописной истиной, но пренебрежение ею ведет к многочисленным некорректностям. К сожалению, в сознании многих исследователей, да и всего культурного сообщества в целом, все еще активирован идол *истинности*. В результате всему тому личностному знанию, которое оказалось культурно ассимилированным, при всеобщем согласии был присвоен статус

объект ивност и и ист инност и. Сам факт того, что это знание со временем может быть подвергнуто коррекции, вроде бы и признается, но... Использование «устаревшего» знания в изменившихся условиях ведет к заблуждениям.

Еще одним подтверждение сказанному может быть упоминание о методе аналогии. С одной стороны, аналогия, несомненно, обладает огромным конструктивным потенциалом, с другой – перенос знания из области его изначального применения в новые границы всегда является достаточно рискованным предприятием. Отмеченное вовсе не имеет целью приуменьшить значение метода аналогии. Цель – в другом: настроить методологическое сознание на уважительное отношение к соблюдению условий применимости метода.

Уже несколько раз употребленное словосочетание – *мет одологическое сознание* требует прояснения. Многое из сказанного выше о *мет оде* свидетельствует о том, что его разработка, детальное продумывание всех его процедур может оказаться абсолютно бессмысленной деятельностью, если ее передать машине. Обнаружение метода и прояснение его сути является исключительно *человеческим занятием*, и роль *человеческого сознания* при этом оказывается принципиальной. Необходимо согласиться с С. Крымским в том, что, говоря о методе, следует мыслить существование и *мет одологического сознания*. Тот или иной метод не исчерпывается его элементами. Жизненность методу, понимаемую как его эффективное использование в самых различных зонах методологического оперирования, обеспечивает *оперирующее мет одом сознание*. Именно наличие *мет одологического сознания* является тем важнейшим условием, без которого ни один метод не работает. И, как бы четко ни было выполнено то или иное методологическое предписание, всегда остается *нечт о*, весьма сложно поддающееся экспликации, без чего ни один метод не может функционировать. С. Крымский отмечает, что «при работе с конкретным методом необходима непрерывная работа ценностно-регулятивного механизма сознания, чтобы обеспечить адекватность выбора и надежность результатов. Метод как способ выбора тут смыкается с сознанием как формой ценностно-регулятивной деятельности». И далее: «Недостаточность метода и необходимость его реабилитации посредством сознания определяется тем, что, во-первых, в познании власть правил и норм не исключительна; у нее есть свои ограничения. И, во-вторых, не существует правил и норм, которые бы не нарушались» [2, с. 133]. Таким образом, любые описания того или иного *мет ода*, *мет одологических процедур* должны быть изначалью понимаемы не как некая догма, а как материал, с которым предстоит работать *мет одологическому сознанию*.

На условия применения метода можно посмотреть и с иной, более традиционной стороны, а именно – с точки зрения специфических особенностей той среды, в которую метод погружается. К примеру, в настоящее время достаточно широко распространено применение феноменологического метода. Его активно используют в социологии, психологии, политологии. Совершенно очевидно, что специфические особенности среды ведут к определенным методологическим деформациям, придавая тем или иным методологическим процедурам особые свойства.

Процедуры (французское *procedure*, от латинского *procedo* – продвигаюсь)

Если прибегнуть к метафоре, то к плоти любого метода следует отнести *мет одологические процедуры*. Именно они в первую очередь обнаруживаются в результате философской рефлексии над процессом развертывания мысли. До момента своей терминологической проявленности эти процедуры ощущаются как некоторые *повт оры* способов ментальных действий. Когда же процедуру удастся терминологически обозначить, она начинает выступать своеобразным центром конденсации для обнаружения других процедур. В своей совокупности, проявленные в контексте тех или иных *принципов, идеалов, условий*, *процедуры* способствуют формированию *мет ода*. При этом между *мет одологической процедурой* и *мет одом* существует значительный

иерархический зазор. Метод обнаруживает себя процедурной проявленностью. Существование метода без составляющих его процедур сложно представить. В то время как существование отдельных процедур вне метода вполне допустимо. В отличие от метода методологические процедуры *гибки* и *пластичны*. Эта пластичность и позволяет осуществляться методологическому *сшиванию* или иначе – использованию различных методов в ходе развития одной мысли. С учетом отмеченного становится понятно, что проводимый методологический анализ на уровне выявления *процедур* позволяет глубже проникнуть в постижение сути метода.

Метод, мысль, рефлексия, знание

Завершить предпринятые размышления о *мет оде* хочется соотнесением *мет ода*, *мысли* и *знания*. Если еще раз вернуться к самой сердцевине философского способа постижения мира, то внимание притягивает фундаментальное различие между *знанием* и *мудростью*. Философия не ищет *знания*, скорее она *идет по следам знания*, пытаясь при этом ощутить прикосновение к *мудрости*, поскольку именно *мудрость* обуславливает возникновение настоящей мысли, а не ментальной шелухи. Во многом методологические усилия человеческого духа направлены на поиски способа приручения самой *Мудрости*. Двигаясь по следам знания, осуществляя непрерывную рефлексивную связь своей и чужой мысли по поводу этого знания, философ пытается прояснить условия появления *«настоящей мысли»*, тщательно описать их, а затем... Затем, искусственно воссоздав соответствующие условия, ожидать появления *мысли новой*... При этом закономерно возникает вопрос: следует ли методологические процедуры относить к разряду знания? На первый взгляд – да, обнаружением этого знания непосредственно и занимаются методологи. Но, возможно, это только на первый взгляд... *Искусство мет одолога* в чем-то похоже на *искусство серфингиста*. Только вместо волны методолог пытается оседлать *мысль*. Поэтому скорее методология есть не знание, а искусство, предполагающее мастерское владение определенными техническими приемами. Отсюда возникает еще один вопрос: передаваемы ли методологические знания другому? Вероятно, настолько же, насколько возможно обучить искусству живописи или поэзии. Человека можно подвергнуть интеллектуальной дрессуре, он может много знать, но станет ли для него от этого доступнее искусство *оседлания мысли*?

Аналогично серфингисту, одновременно ощущающему волну и собственное тело, философ скользит не только по переливам чужих ментальных поисков, но и внимательно отслеживает тончайшие нюансы своей собственной рефлексии. Вероятно, методологический модус мышления является фундаментальным атрибутом философской деятельности как таковой. Философ первым обнаруживает и развивает новые способы мышления, которые затем в качестве ментального инструментария используются для получения знания нового. А затем – все вновь повторяется сначала.

Список использованной литературы

1. Брикмон Ж., Сокал А. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна / Пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина. – М.: «Дом интеллектуальной книги», 2002. – 248 с.
2. Крымский С. Экспликация философских смыслов. Изд. Дополн. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 240 с.
3. Полани М. Личностное знание / Пер. с англ., общ. Ред. В.А. Лекторского и В.И. Аршинова. – М.: Прогресс, 1985. – 343 с.
4. Сачков Ю.В. Научный метод: вопросы и развитие. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 160 с.

2. Богатая Л.Н. Конец постмодернизма? // Наукове пізнання: методологія та технологія. – Вип.1. – 2004. – №13. – С.17-25. (Фрагмент статті).

Хотя каждый слушатель воспринимает произведение по-своему, можно, тем не менее, констатировать, что музыка вызывает в различных мозгах аналогичные идеи.

Бодлер

В биографии Ильи Пригожина есть два очень интересных факта. Первый касается того, что, еще с детского возраста будущий ученый мечтал о карьере концертующего пианиста. Второй – связан с использованием работ уже известного во всем мире ученого, лауреата Нобелевской премии, для эффективной организации уличного движения в мегаполисах. При поверхностном взгляде тематика указанной работы кажется немного странной для специалиста в области теории диссипативных структур. Но если взглянуть пристальней, то в двух этих фактах обнаруживаются смыслы, позволяющие более точно оценить масштабы удивительной личности, осветившей культурное поле нашей планеты на стыке двух тысячелетий.

Дорожные пробки, к сожалению, уже можно считать символом большого города. Пробки интеллектуальные обывателю не видны. Их обсуждают на страницах серьезных профессиональных журналов, научных форумах. Появляются завораживающие своим звучанием термины, например – «постмодернизм». Термин, характеризующий культурную среду конца двадцатого века. Осмысля основные позиции постмодерна, иногда возникает вопрос: а не является ли он своеобразной «интеллектуальной пробкой»? Ведь, действительно, если природы нет, науки нет, а есть только тексты, составленные из цитат всего того, что уже было? Разве это не тупик? Любопытны характерные «продукты» постмодерна: пастиш (от итальянского *pasticco* – опера, созданная из кусков других опер) и коллаж. Они и стали главными символами нового направления. Или, например, роман-цитата Жака Ривэ, представляющий собой сборник из 750 цитат (1979 г.).

Сразу следует отметить, что подобный тон по отношению к постмодернизму не более чем иллюстрация его же принципа – легковесность и насмешливости над всем: над наукой, над миром, над человеком, пытающимся этот мир осмыслить.

Постмодернизм уже в 80-е годы стал претендовать на выражение общей интеллектуальной надстройки современного искусства, философии, политики, науки.

Можно попытаться выделить два основных постмодернистских принципа. Первый – это культурная опосредованность, или цитата. Каждое слово, даже каждая буква в постмодерне – это цитата. Второй фундаментальный принцип – отказ от попыток поиска истины. В постмодернизме истина только просвечивается, притягивает, но постигнуть ее едва ли возможно.

Рассказывание историй является характерной чертой постмодернистского дискурса. Рассказывают все. Американский теоретик постмодерна Ф. Джеймсон пишет, что даже представители естественных наук – физики, рассказывают истории об элементарных частицах. Но только постмодернистские рассказы – рассказы особенные. Жан-Франсуа Лиотар в своей книге «Постмодернистский удел» подверг критике понятие метарассказа, в котором властвует единая повествовательная стратегия. Постмодернистские рассказы – особенные, они походят на осколки разбитого зеркала. По мнению исследователя постмодернизма И.Ильина постмодернистская мысль пришла к выводу, что все принимаемое за действительность, на самом деле не что иное, как представление о ней, зависящее от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена этой точки ведет к кардинальному изменению самого представления. Восприятие человека объявляется «обреченным на «мультиперспективизм», на постоянно и калейдоскопически меняющийся ряд ракурсов действительности, в своем мелькании не дающем возможности познать ее сущность» [4]. Разве эта рисуемая автором достаточно

мрачная картина не похожа на автомобильную пробку, в которой не видно уже ни дороги, ни города а только мелькание лиц раздраженных водителей, оказавшихся заложниками этой ситуации и мысленно призывающих «регулировщика» в звании не менее чем «лауреат Нобелевской премии»?

Одну из своих работ И.Пригожин и И.Стенгерс заканчивают словами: «Мы живем в особо выделенный момент истории и питаем надежду, что нам удалось передать это убеждение своим читателям» [2]. В чем же авторам виделась «выделенность» этого момента?

Можно только представить себе каких размеров коллаж под названием «Илья Пригожин» составляется сейчас в мире. Смерть Великого ученого, которого еще при жизни стали называть «Новым Ньютоном», привлекла внимание многих. Стали заново перечитываться основные работы, выбирались наиболее интересные цитаты, формировались различные ракурсы и дискурсы, все в лучших традициях постмодерна. Завораживало обилие удивительно ярких культурологических размышлений, перевариванием которых можно заниматься еще не одно десятилетие. Но проявились и мысли настораживающие, способные сокрушить саму постмодернистскую исследовательскую установку, вернее, не сокрушить, а трансформировать. Как отметил С.П. Курдюмов в послесловии к статье И.Пригожина «Философия нестабильности» «по-видимому, любые повороты и перевероты в мышлении не могут сопровождаться полным отбрасыванием каких-либо представлений, присутствовавших в прошлом: что-то сохраняется, что-то остается вне поля зрения, а что-то перетолковывается, и именно перетолковывание, переинтерпретация ... составляют суть концептуальных сдвигов, позволяющих говорить о переходе от одного уровня понимания к другому» [2, с.8]. Можно высказать предположение о том, что работы И.Р. Пригожина знаменуют собой своеобразный выход из эпохи постмодерна и начало эпохи новой, имя которой сейчас можно толь предугадывать.

«Не будет, по-видимому, преувеличением сказать, что наш период допустимо сравнивать с эпохой греческих атомистов или Возрождения, когда зарождается новый взгляд на природу» [3, с.79]. Использование Пригожиным термина *возрождение* применительно к нашей эпохе может показаться не очень понятным. Настолько привычными уже стали мысли об упадке, иллюзиях, смерти. Наука мертва и с этим почти готовы согласиться многие. Но Пригожин трактует смерть шире. Есть не смерть, а есть трансформация. «Классическая наука, мифическая наука простого пассивного мира, ныне – достояние прошлого. Смертельный удар был нанесен ей не критикой со стороны философов и не смиренным отказом эмпириков от попыток понять мир, а внутренним развитием самой науки» [3, с.102].

В истории науки, как и во всей человеческой истории, как и в каждой человеческой жизни можно обнаружить точки бифуркации. Пригожин отмечает, что мы приближаемся сейчас к «точке бифуркации, после прохождения которой человечество окажется на одной из нескольких вероятных траекторий» [3, с.64]. При подходе к точке бифуркации особо важным оказывается внимательный анализ наиболее характерных черт переживаемой ситуации. В пригожинском анализе отмечаются следующие факторы, характеризующие особенность текущего момента.

Фактор первый

Информационно-технологический бум. По мнению Пригожина, мы подходим к созданию «сетевого общества», в котором люди будут связаны между собой так, как никогда ранее. Глобализация и сетевая революция ведут не только к большей связанности людей друг с другом, но и повышению роли отдельного индивида в историческом процессе.

Термин «сетевое общество» кажется очень удачным, учитывая и глобальную сеть Интернет, и финансовые пирамиды, и сетевые системы продаж. Как отмечает Пригожин [3, с. 65], каждый великий период в истории естествознания имеет свою модель природы.

Для классической науки такой моделью были *часы*, для периода промышленной революции – *паровой двигатель*. «Часы – механизм, управляемый рациональностью, которая лежит вне его, планом, которому слепо следуют внутренние детали. Мировые часы – метафора, наводящая на мысль о божь-часовщике, рациональном вседержителе, управляющем природой, послушно выполняющей его указания наподобие робота» [3, с.65]. Символом, наиболее полно отражающим идеал противоречивости современной эпохи, Пригожину видится *скульптура*, призванная фиксировать удивительную грань между бытием и становлением.

Однако обнаруживается и другое: на смену *часам*, которые практически три века господствовали в мире, приходит *мобильный телефон* – символ потенциальной возможности мгновенной связи, мгновенного включения в общую сеть, в сетевой мир. И если раньше можно было подсмотреть время на ручных часах собеседника или случайного встречного и ощутить «временную сопричастность», то сейчас время становится более интимным, принимая статус времени «собственного», которое мгновенно высвечивается при включении в общую сеть. Человек «мобильного мира» по своему усмотрению может в эту сеть войти, став ее частицей, и, по своей же воле, выключить телефон, восстановив замкнутость и самодостаточность. Но такая свобода тоже относительна. За членство в «сетевом мире» человек платит множеством несвобод – от непрерывной энергетической зависимости (ведь включенность в сетевой мир требует непрерывной материальной подпитки) до зависимости от оператора, к которому осуществлено подключение. Таким образом, один бог-часовщик оказался заслоненным безликими фигурами квази-божеств, навязывающих свою волю.

Фактор второй – особая роль науки в состоянии информационного взрыва

В предисловии к работе Пригожина и Стенгерс «Время, хаос, квант» О.Тофлер подчеркивает, что наука представляет собой открытую систему, которая погружена в общество и связана с ним сетью обратных связей, испытывая при этом на себе сильнейшее воздействие со стороны окружающей ее внешней среды [3, с.13]. В этом достаточно очевидном утверждении хочется выделить термин «открытая» система и обсудить его более подробно.

Открытость науки

«В момент демографического взрыва наука должна, по-видимому, играть важную роль. Необходимо поэтому с большим вниманием, чем когда-либо, следить за тем, чтобы каналы связи между наукой и обществом оставались открытыми...» [3, с. 38]. В своих работах И. Пригожин и И.Стенгерс предлагают несколько вариантов понимания «открытости науки».

Во-первых, это открытость обсуждения результатов научных исследований в широкой культурной среде. Пригожин приводит по этому поводу интересные рассуждения Эрвина Шредингера: «Существует тенденция забывать, что все естественные науки связаны с общечеловеческой культурой...Та теоретическая наука, которая не признает, что ее построения, актуальнейшие и важнейшие, служат в итоге для включения в концепции, предназначенные для надежного усвоения образованной прослойкой общества... непременно оторвется от остальной человеческой культуры; в перспективе она обречена на бессилие и паралич» [3, с. 61]. Позиция Шредингера абсолютно понятна, однако очевидно, что *перевод* результатов многих современных естественно-математических исследований в общекультурный контекст является достаточно сложной задачей, требующей не только высокой научной, но и общекультурной эрудиции.

Ю.Лотман отмечал необходимость наличия «разницы в уровнях сознания и целях деятельности» между автором текста, в данном случае ученым, и «читающим» научный текст, декодирующим его в культурный контекст. Подобными операциями традиционно занимаются историки науки, философы или ученые, готовые подняться до уровня философского осмысления своих открытий. Имена таких ученых можно легко пересчитать. И та идея, которую реализовали Пригожин и Стенгерс, а именно –

посмотреть на историю развития науки глазами ученых ее же создававших, дала удивительные результаты. Действительно, взгляд философа на историю науки дает определенные искажения. Как в квантовой механике: приближение наблюдателя к объекту начинает этот объект деформировать. В взгляде Пригожина и других ученых на историю развития науки эти деформации оказываются меньшими. Естественно, возникает вопрос, что же нового в осмыслении истории науки предлагает Пригожин?

Для этого необходимо вернуться к обсуждению *«открытости науки»* с другой точки зрения. Открытость науки, *во-вторых*, предполагает конвергенцию наук *естественных* и *гуманитарных*, которая нашла свое отражение в названии французского варианта книги «Порядок из хаоса». Книга называлась «Новый альянс». По мысли Пригожина классическое разделение наук естественных и гуманитарных «взорвалось» изнутри самой науки ее «внутренним развитием». К синтезу наук призывали еще в начале XX века: и Владимир Соловьев и Павел Флоренский, но реальные шаги начали осуществляться только в конце века XX. И причиной тому первоначально оказался выход ученых с обсуждением результатов своих научных исследований на более широкое культурное пространство. Открытые нелинейные системы оказались общим объектом исследования для ранее, казалось, не пересекавшихся наук – физики, биологии, социологи, психологии и пр. В естественных науках возник синергетический подход, который со временем стал претендовать на статус общенаучной парадигмы.

Причину назревающего «синтеза» наук Пригожин видит в отказе физиков от традиционного детерминистического подхода к миру. «Классическая наука, мифическая наука простого пассивного мира, ныне – достояние прошлого» [3, с.102]. И далее: «Классический идеал науки- открытие умопостигаемого мира, – мира, лежащего вне времени и, следовательно, лишенного памяти, лишенного истории, – напоминает кошмары, рожденные фантазией Кундерры, Хаксли или Оруэлла...Ныне мы не считаем более допустимым обосновывать подавление памяти или сковывание фантазии ссылками на «идеализацию» как на законную цену научной рациональности. И то, и другое мы должны принимать за то, чем они являются на самом деле, - за искажения, разрушающие именно то, на познание чего они претендуют» [1, с.28]. По мнению Пригожина разрушение классического подхода возникает автоматически при введении события в исследовательское поле. В традиционную формулировку законов природы события не входят, ведь «траектории или волновые функции не начинаются и не кончаются». Но в результате «невключения» события в исследовательское поле физика оказалась перед «величайшим кризисом» [1, с. 6]. Большой Взрыв есть событие, но места ему в классической физике не было. Исключение из поля зрения события автоматически исключает и творчество, а вместе с ним и саму жизнь.

Интересно, что в то же самое историческое время в рамках постмодернизма имело место своеобразное гипертрофирование события, всегда случайного, всегда непредсказуемого. Непредсказуемое событие вело к представлениям о непредсказуемости мира, а следовательно и бессмысленности попыток его познания. Постмодернизм рассматривал только *события*, а классическая наука – *мир без событий*. Естественно, что при этом они исключили друг друга. То, что возникает в настоящий момент буквально на наших глазах, по мнению Пригожина, «есть описание, промежуточное между двумя противоположными картинками – детерминистическим миром и произвольным миром чистых событий. Реальный мир управляется не детерминистическими законами, равно как и не абсолютной случайностью» [1, с.38]. Между жестким детерминизмом и случайностью располагаются представления, оперирующие с возможностью, вероятностью осуществления чего-либо. Событие – это то, что нельзя заранее вычислить. Именно через «актуальные» события возникает доступ к квантовому миру ибо «квантовая механика показывает, что обратимый во времени мир, описываемый уравнением Шредингера, есть также мир непознаваемый» [1, с. 30]. Введение события в поле естественнонаучных исследований одновременно актуализирует, пользуясь термином

Пригожина, «стрелу времени» или – проблему необратимости времени. Своими размышлениями о стреле времени Пригожин выделяет время как одну из центральных проблем современности, преподнося будущим исследователям времени многие интересные мысли, к примеру: «Время не является чем-то готовым, предстоящим в завершенных формах перед гипотетическим сверхчеловеческим разумом... Время – это нечто такое, что конструируется в каждый данный момент. И человечество может принять участие в процессе этого конструирования» [2, с.7]. Пригожин цитирует Поля Палерии, его удивительно меткую реплику: «Время есть конструкция» [3, с. 59] .

«Новый альянс» естественных и гуманитарных наук через отказ от классического детерминизма и включения события в поле естественнонаучных исследований, оказался реальностью современного культурного бытия.

«Открытость» современной науки И.Пригожин и И.Стенгерс понимают еще шире. И появляется аргумент *в-третьих, или- резонансные явления между наукой и метафизикой.*

Не касаясь существующих моделей культурной динамики, Пригожин ограничивается очень простой идеей резонанса между «теологической дискурсивной практикой и теоретической и экспериментальной деятельностью» [3, с. 90]. Интересны его замечания по поводу выбора термина «резонанс»: «мы сознательно выбрали выражение, симметричное относительно каждого из них: резонанс отнюдь не предполагает, что первенство и роль пускового механизма выпали на долю теологической дискурсивной практики или научного мифа» [3, с.90]. Подобный резонанс, по мнению ученого, имел место на начальном этапе развития современной науки. Ссылки на религиозные аргументы часто встречались в научных трудах вплоть до XIX в. В то время, как в настоящий момент характерно противоположное направление аргументации: «своим авторитетом наука придает вес мистическим утверждениям» [3, с.92].

Алхимические штудии К.Г.Юнга являются широко известным фактом, а вот то, что наряду со своими математическими исследованиями И.Ньютон на протяжении тридцати лет изучал труды алхимиков древности [3, с. 111] для многих оказывается новостью. Отмежевание от религиозной и эзотерической мысли может только способствовать изоляции научного сообщества, возникновению противоречия идее открытости. И Пригожин подчеркивает: «тот факт, что сегодня самые разные культурные образования принимают участие в развитии научной культуры, является для нас источником новых надежд» [2, с.3]. А вот одна из проблем нашего времени состоит в преодолении взглядов, стремящихся оправдать и усилить изоляцию научного сообщества.

Эти общекультурные соображения Пригожина получают очень интересный практический ракурс.

«Парадокс времени ставит перед нами проблему центральной роли «законов природы»» [1, с. 2]. Ученый неоднократно в своих работах обращается к этой проблеме. «Понятие «закон природы» заслуживает более подробного анализа. Мы настолько привыкли к нему, что оно воспринимается как трюизм, как нечто само собой разумеющееся. Пригожин отмечает, что открытие неизменяющихся детерминистических законов сближало человеческое знание с божественной, вневременной точкой зрения. Весь период классической науки – это стремление к открытию неизменяющихся законов. В самом этом стремлении было заложено противопоставление идее истинной эволюции, включающей в себя инновации, которые с научной точки зрения должны определяться тремя минимальными требованиями.

Первое требование – необратимость, выражающаяся в нарушении симметрии между прошлым и будущим...

Второе требование – необходимость введения понятия «событие»...

Третье требование – «некоторые события должны обладать способностью изменять ход эволюции» [1, с. 16]. Эти требования, предъявляемые к выводу,

претендующему на статус современного закона природы, вполне понятны, ибо допускают творческое развитие окружающего мира

Научные законы выявляют общие закономерности, открытые при изучении конкретных наук. Законы Мироздания даются на уровне Откровения и никакого отношения к науке не имеют. Но они являются продуктом культурного развития человечества, ибо формулируются на «пиковом уровне языка», который может быть понятен человеку на конкретном этапе развития. Представление о «пиковом уровне языка» есть необходимость ввести потому, что сами термины, их лексические контексты в текстах уровня Откровения обладают огромной новизной. Фактически это своеобразные ментальные конструкты. Потому различные варианты Откровений можно определить как *генетические тексты*. Возможно, что открытые (обретаемые) на данном культурном уровне законы Мироздания и выполняют роль аттракторов, дающих возможность в бесконечном количестве возможных вариантов решения выбирать тот или иной путь. Естественно, при этом может возникнуть вопрос: как согласовывать Законы Мироздания, которые, чаще всего, сформулированы на уровне законов этики, и научные законы? У Пригожина по этому поводу есть интересное замечание: «этика является не областью дедуктивного знания, а «практической мудростью», искусством делать надлежащий выбор относительно неопределенного будущего» [1, с. 36]. И далее: « В открытом мире, который мы сейчас учимся описывать, теоретическое знание и практическая мудрость нуждаются друг в друге» [1, с. 36]. Мы, действительно, «не в состоянии предсказать выбор Адама, потому что для этого нам был бы необходим доступ к абсолютно полному, т.е. бесконечному, знанию Адама» [1, с.14], но культурная среда, сформированная на основании конкретных этических законов, во многом направляет осуществляемые выборы.

Подводя итог сказанному о необходимой «открытости» современной науки можно заметить, что эта *необходимость* есть во многом отражение наблюдающегося сближения «внутреннего и внешнего миров, что, возможно, является одним из важнейших культурных событий нашего времени» [2, с. 2].

Пригожин согласен с тем, что человечество подошло к концу, но не к концу науки как таковой, а «к концу представления о классической рациональности, связывающей понимание с открытием детерминистических законов, открытием бытия за рамками становления» [1, с. 31]. И, пожалуй, один из наиболее интересных выводов о специфике современного культурного периода видится ученым в том, что «в наши дни основной акцент научных исследований переместился с субстанции на отношение, связь, время» [1, с.349]). И быть может именно сейчас правомерно задать вопрос: *что же на самом деле познает наука?*

Широко известно представление Ньютона о том, что в своем познании этого мира мы походим на ребенка, гуляющего по берегу океана, рассматривающего ракушки. Каждая из наших новых теорий похожа на ракушку, а окружающий мир – это огромный океан. Эту мысль можно развить немного в ином направлении.

Когда ребенок начинает развиваться, ему дают игрушки, игрушки, согласно его возрасту, его уже склонностям, предпочтениям. Рассматривая, разбирая эти игрушки, ребенок, с одной стороны, развивает себя, свое сознание, с другой – познает тот культурный уровень, в котором оказался. Ибо любая игрушка – это продукт конкретной культуры. Ребенок взрослеет, становится ученым. И продолжает исследовать те же игрушки, но чуть более сложные. И начинает уже претендовать на постижение первооснов мира. В то время как, может быть, разумнее было бы говорить о постижении игрушки нового уровня. Когда в душе ученого-ребенка интуитивно начинает возникать вопрос о том, **что** он действительно исследует – возникает юношеская фрустрация и выносится вердикт о том, что – либо науки нет вообще, либо – окружающий мир непознаваем. Может проще принять вывод о том, что наука – это одна из форм человеческой деятельности, которая призвана развивать сознания познающего. И тогда

следует изменить наше представление о том, *что* же на самом деле познается. Или, по крайней мере, *допустить*, что познаваемым объектом является не сама Природа, Огромный Океан, а всего лишь ракушка, продукт деятельности Великого Океана, а может быть лучше – продукт его игры, его фантазии, его творчества, его со-творчества с человеком.

Изучая великие фантазии, мы учимся фантазировать сами, меняется не только наше сознание, но и коллективное сознание и вот эти изменения сознания мы и можем отслеживать из анализа научных текстов. Это и есть третий уровень артикуляции, о котором говорил французский философ К.Леви-Строс.

Пригожин приводит слова одного из известных современных физиков Роджера Пенроуза, который писал в своей книге «Новый разум императора»: «Наше сегодняшнее непонимание фундаментальных законов физики не позволяет нам схватить понятие «разума» в физических или логических терминах» [1, с.30]. Сами ученые уже понимают, что физические законы должны дать возможность «схватить понятия разума». Может быть, в настоящее время проявляется новый смысл наук, заключающийся не столько в познании вечноменяющегося окружающего мира, а в открытии новых ментальных структур, позволяющих перепостигать сознание. Сознание человека расширяется и расширение этого сознания возможно только через активную деятельность по преобразованию, исследованию окружающего мира. А потому, быть может, не *знания* о мире, исчерпывающие или нет, есть цель нашего познания, а сам процесс мышления, в ходе которого и происходит расширение сознания.

И тогда нестабильность мира не пугает. Пригожин приводит очень меткое наблюдение В.Набокова: «То, что полностью контролируемо, никогда не бывает вполне реальным. То, что реально, никогда не бывает вполне контролируемым» [1, с.31]. И добавляет сам: «Реальность вообще не контролируема в смысле, который был провозглашен прежней наукой» [2, с.6]. Мы не можем контролировать состояние Океана. В лучшем случае мы можем предсказать поведение ракушки и это знание наполняет сердце ученого великой радостью бесконечной причастности.

Сегодня уже кажется наивным представление о том, что этот мир – наш «безропотный слуга». Этот мир, скорее, мудрый друг, наделенный бесконечной фантазией, и любящий Игру.

О конце постмодернизма

Любой конец можно зафиксировать только в том случае, если есть признаки начала чего-то нового. Как бы ни было интересно высказывание И.Р. Пригожина о том, что человечество вступило в эпоху Нового Возрождения, оно требует веских аргументов. Первый аргумент Пригожин сформулировал сам: наука жива своим переходом на новый уровень, расширяющий узкие рамки классического детерминизма. Более того, просматривается окончание истошающего отделения науки от других культурных сфер, что может привести к «новому альянсу».

Второй аргумент можно косвенно вывести из рассуждений Пригожина. Нестабильность мира не пугает не только потому, что найдены новые математические методы, позволяющие описать эту нестабильность, но и потому что возникают интуиции о том, что все интенсивнее проявляется новый фокус познания, направленный на исследования сознания познающего субъекта. Пригожин, например говорит «Мы начинаем выходить за пределы ...мира количества и вступаем в «мир качества», а значит в мир становящегося, возникающего» [1, с. 8].

Математика, также как и музыка, вызывает в различных «мозгах» схожие идеи. В этом и проявляется, так часто обсуждаемый в синергетике принцип круговой или кольцевой причинности, согласно которому «части подсистемы, находясь в условиях далеких от равновесия, нестабильности и конкуренции, самоорганизуют все свое взаимодействие на макроуровне, порождая параметр порядка, определяя его с одной стороны, и подчиняясь ему с другой» [5, с.105]. В роли таких параметров порядка и

можно рассматривать наиболее значимые математические идеи, например - идеи дифференциального и интегрального вычисления. Современный исторический период как будто на новом витке повторяет историю дифференциала и интеграла.

Как отмечает в своем предисловии к «Порядку из хаоса» О.Тофлер современная западная цивилизация достигла необычайных высот в искусстве расчленения целого на части, а именно в разложении на мельчайшие компоненты. « Мы ... нередко забываем собрать разъятые части в то единое целое, которое они некогда составляли.... Лучшие годы своей жизни Пригожин посвятил воссозданию целого из составных частей, будь то биология, и физика, необходимость и случайность, естественные и гуманитарные науки» [3, с.10]. В этом рассуждении Тофлера необходимо уточнить один момент: вероятно, необходимо вести речь не о простом соединении частей в целое, которое они некогда составляли. К примеру, от созерцания коллажа возникает совершенно новое знание.

Сильнейшая культурная дифференциация последних столетий привела к появлению множества осколочных взглядов на мир. До какого-то момента эти осколки образовывали, как в калейдоскопе, причудливые и такие же бессмысленные картинки, наводящие на мысль, о затейливости, но и бессмысленности видения, что и навевало постмодернистский пессимизм. И вот в этот момент Пригожин и говорит о Возрождении, которое связывает с введением *события* в качестве объекта научных исследований. Для того чтобы глубже понять смысл этой идеи необходимо еще раз внимательно посмотреть на природу феномена события.

Во-первых, «событие, как бы мы его ни трактовали, означает, что происходящее не обязательно должно происходить. Следовательно, в лучшем случае мы должны надеяться на описание события в терминах вероятностей, причем вероятностный характер нашего подхода обусловлен отнюдь не неполнотой нашего знания» [1, с. 16]. Во-вторых, происходящие события должны порождать некий смысл: «История стоит того, чтобы о ней поведать, только в том случае, если хотя бы некоторые из описываемых в ней событий порождают какой-то смысл» [1, с. 16]. Далее можно провести очень интересный мостик от естественных наук к - гуманитарным. Пригожин утверждает, что события являются следствием неустойчивости хаоса [1,с. 7]. Хаос выступает физическим обеспечением неустойчивости. Но в то же самое время хаос порождает порядок. Порядок и беспорядок, таким образом, оказываются тесно связанными – один включает в себя другой. И эту констатацию, по мысли Пригожина, мы можем оценить как главное изменение, которое происходит в нашем восприятии универсума сегодня. Порядок и беспорядок существуют как два аспекта одного целого и дают нам возможность различных видений мира.

Беспорядок коллажа – это беспорядок фрагментов, беспорядок цитат. Каким образом из этого беспорядка рождается порядок, и что он означает? Если, рассуждая в контексте идей Пригожина, события являются следствиями неустойчивости хаоса, то события должны происходить на границе, разделяющей отдельные фрагменты коллажа, в местах, где эта неустойчивость максимальна. Т.е., мы приходим к тому, о чем неоднократно говорил Ю.Лотман: к мысли креативном потенциале границы, к представлениях о микровзрывах (событиях), возникающих на границах текстов.

События ценны порождаемым ими смыслом и этот смысл и является самым значимым результатом события. Таким образом, *созерцание коллажа* приводит к *порождению нового смысла*. Из хаоса рождается порядок нового уровня. И хаос обретает особый смысл. «Смысл хаоса состоит ныне не в том, что он ставит предел нашему знанию, - хаос позволяет по-новому сформулировать то, что нам надлежит познать» [1, с.34]. Тем самым, постмодернистский тупик хаотических культурных цитат тупиком вовсе и не является? В постмодернистском хаосе просматривается порядок нового уровня.

Итог

В одной из своих работ Пригожин очень интересно высказался по поводу символического мышления (мышления физика, математика, оперирующего специальными символами), которое « одно и то же время «беднее и упрощеннее, богаче и интенсивнее». Мысль, оперирующая символами и работающая в классической или квантовой физике, усиливает те аспекты физической реальности, которые выделяют симметрию во времени. В этом смысле воплощенную в символах мысль можно сравнить с произведениями искусства. Подобно произведениям искусства, она имеет свои ограничения. Она возбуждает чувство восхищения, и чувство неудовлетворенности. Она бросает нам вызов, побуждая идти вперед» [1, с. 29]. В настоящее время основные научные идеи, осмысляемые Пригожиным, — *неравновесность, стрела времени, бифуркация, конструктивный хаос* становятся подобными символами, формирующими современную культурную парадигму, заставляющими вновь и вновь обозревать культурный континуум в поисках выхода на новый уровень понимания окружающего. А потому и сами работы И. Пригожина и И. Стенгерс можно рассматривать, как справедливо заметил О. Тоффлер, «как символ происходящих в наше время исторических преобразований в науке, игнорировать которые не может ни один просвещенный человек» [3, с. 12].

В заключении хочется позволить небольшую вольность. Практически все время написания статьи во внутреннем пространстве автора звучала музыка «Конcerto гроссе №1» Альфреда Шнитке, в котором сквозь звуки невыносимой какофонии пробивались мотивы неземной гармонии. Быть может быть, и это тоже символ? Мрак и хаос, окружающие нас, в какие-то мгновения переходит в порядок удивительной красоты. Это и есть реальность Бытия. Безобразия, уродство рядом с Великой Гармонией. И каждый миг своего существования мы осуществляем выбор. А вот «...последовательность актов выбора делает нас теми, кто мы есть» [1, с. 36].

Список использованной литературы

8. Пригожин И. Время, хаос, квант / И. Пригожин, И. Стенгерс; [пер. с англ. Ю.А. Данилова]. – М. : Издательская группа «Прогресс», 1994. – 272 с.
2. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – №6. – С.45-52.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986, –432 с.
4. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996г.
5. Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергитическое видение научного прогресса. – М.: 1995. – 228 с.

3. Богатая Л.Н. Бриколлаж как прием многомерного мышления (фрагмент монографии: Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – С. 304-311.)

Совместное рассмотрение *эквивокции, т ропов, т авт ологии, парадокса* позволяет обнаружить в этих специфических способах речевой деятельности некую общую методологическую составляющую, которую в первом приближении можно определить как **объединение, осуществляемое с помощью специальных речевых форм, двух смысловых множеств**. Смыслы, входящие в отмеченные множества, могут быть как актуализированными, так и находиться лишь в потенциальном непроявленном состоянии (как это имеет место, к примеру, в случае парадокса). Каждая из отмеченных форм позволяет реализовывать объединение смысловых множеств специфическим образом. Смысловые множества сами по себе напоминают некий «смысловый осколок». Именно поэтому и возникает целесообразность обращения к термину *бриколлаж*.

Слово *бриколлаж* происходит от французского *bricoler*, что означает «играть осколком, рикошетом». Впервые на возможность использования термина *бриколлаж* в

методологическом значении обратил внимание К.Леви-Строс, предложивший рассматривать *бриколлаж* как элемент *мифологической логики* [1]. Однако есть основание предположить, что прием *бриколлажа* играет фундаментальную роль и в практике *многомерного мышления*.

Как уже неоднократно отмечалось, *многомерное мышление* есть такое мышление, при котором многомерно мыслящий субъект одновременно актуализирует и сопрягает различные локальные смысловые пространства. Но если так, то должны иметь место специальные мыслительные приемы, позволяющие соответствующие сопряжения осуществлять.

Многомерное мышление предполагает не только спонтанное *объединение* различных локальных смысловых пространств, но и возможность отмены (снятия) возникших объединений путем перехода либо в уже существующее локальное пространство, либо в пространство принципиально новое, либо во вновь формирующееся гиперпространственное объединение. Все отмеченные переходы можно определить как *пространственные переключения* или более точно – переключения различных *локальных пространств в смысле* в ходе многомерных мыслительных актов. Отмеченные переключения могут осуществляться, как уже было сказано выше, с помощью использования *эквивокции, тропов, тавтологии, парадокса*, позволяющих связывать различные смысловые множества, существующие в соответствующих локальных смысловых пространствах.

Введение термина *бриколлаж* дает возможность абстрагирования от конкретного способа реализации *связывания* и концентрации внимания на универсальности самого приема.

Именованное прием *связывания отдельных локальных смысловых пространств* в термине *бриколлаж* требует дополнительных пояснений. Казалось бы, что отмеченный прием мог бы быть именован как *переключение локальных смысловых пространств*. При очевидной понятности представленного терминологического выражения, оно обладает тем недостатком, что не содержит намека на то, как именно осуществляются пространственные переключения. Что же касается слова *бриколлаж*, то оно, пусть и метафорическим образом, направляет внимание на прояснение самого механизма.

Когда многомерно мыслящий субъект актуализирует то или иное локальное пространство смыслов, то он оперирует его своеобразным *смысловым осколком*, но этот осколок, с точки зрения голографической парадигмы, содержит в себе исчерпывающую информацию о *целом*. При этом *бриколлаж* – не просто *осколок*, а *игра осколком*. *Игра* же предполагает наличие, как минимум, *цели и правил*.

Цель бриколлажа как *игры* – получение *нового осколка, группы осколков, любование* полученным образованием – как при игре с калейдоскопом. Без *любования* не может быть обнаружена красота сотворенных форм, а значит – новые группы симметрии, новые смыслы.

Прописывание *правил «игры осколком»* – задача достаточно сложная. Единственно, что можно сказать без особых раздумий: игра осколком требует от играющего максимально возможной *свободы*, предполагающей недопустимость планирования того, что должно получиться в итоге. Но, кроме свободы, должна еще присутствовать готовность к *приятно*, способность действовать не только *разумом*, но и *сердцем*. Именно напряжение *сердца* открывает возможность для актуализации *разума*. *Сердце*, отказывающееся от труда, ведет к оскудению *разума*. Еще и еще раз вспоминаются многочисленные насмешки по поводу постмодернистских коллажей: *непонятно, эклектично, абсурдно, неуместно*... Все эти характеристики правомерны в том случае, если на коллаж смотреть только с точки зрения *разума*, если не пытаться потрудиться *сердцем*, ибо именно сердце способствует извлечению, обнаружению *новых смыслов*. Без *сердечного труда*, без *сердечного приятно* невозможно и *многомерное мышление*, ибо многомерное мышление

есть способность выхода за границы очевидного, общепринятого, а такой выход может осуществиться только в результате *сердечного сосредоточения*.

В первой главе монографии обращалось внимание на то, что в начале двадцатого века очень ярко себя обнаруживали попытки актуализации многомерного мышления в искусстве, в первую очередь – в живописи. К уже отмеченному ранее следует добавить, что удивительные примеры *многомерного мышления*, весьма поучительные с методологической точки зрения, можно найти и в литературе. К примеру, интересно упомянуть о рассказе В.В. Вересаева «Состязание», написанном в 1919 году.

Сюжет рассказа достаточно прост. В небольшом городке было объявлено состязание для живописцев. Им нужно было самым лучшим образом передать красоту женщины. Жители города знали, что главными соперниками окажутся два художника: Дважды Венчанный – уже на весь мир успевший прославиться мастер, и Единорог – его молодой, но очень способный ученик. Все жители с нетерпением ждали кульминационного момента состязания, когда две картины будут представлены на центральной площади. Горожане знали, что Дважды Венчанный отправился в странствие в поисках удивительных примеров совершенной женской красоты. Из предпринятой экспедиции художник вернулся просветленным. Все понимали: мастеру удалось найти и запечатлеть на холсте то, что сможет потрясти всех. Что же касается Единорога, то каждый день его видели на улицах городка, он шутил, смялся, наслаждался общением со своей возлюбленной, которая, хотя и была мила, но, конечно же, не являлась эталоном красоты. Многие не понимали, почему молодой художник так легковесно относится к поставленной задаче?

К началу состязания жители города практически были уверены в том, что Единорог проиграет. В назначенный день все собрались на площади и с нетерпением ждали, когда с подготовленных картин наконец – то будет приспущена ткань, их покрывающая. Все замерли в ожидании...

Бесполезное дело пересказывать литературное произведение. Вересаева нужно просто читать. Но окончание упомянутого рассказа весьма примечательно. Конечно же, победил не Дважды Венчанный. Его картина была верхом совершенства, как и та модель, которая была изображена на полотне. Казалось, что настоящая Красота найдена. Но... То, что представил зрителям Единорог... Первоначально увиденное возмутило всех, ибо на полотне была изображена возлюбленная молодого художника. Она была несомненно привлекательна, но красавицей ее бы никто не назвал, кроме самого Единорога. Время шло, люди смотрели на две картины, понимая преимущество первой и сердцем ощущая превосходство второй. После нескольких минут напряженного молчания толпа взорвалась и победителем был признан Единорог.

Естественно возникает вопрос: какое отношение пересказанная история имеет к многомерному мышлению?

Художник *сердцем*, наполненным любовью, смог **различит ь, обнаружит ь** то, чего не видели другие, и именно это различие оказалось столь ценным для других. Он обнаружил такую красоту, которая не только потрясла смотрящих, но и позволила по-новому видеть и других женщин, к которым мужчины уже давно привыкли, считая их *обыкновенными*.

Взгляд художника, как и взгляд мыслителя, первоначально обращен к обыденному, но в *привычном обыденном* мыслитель различает *нечт о*, чего до него не видел никто. Это *нечт о* способствует обнаружению новых смыслов, которые начинают воздействовать на окружающих, преображая их. Новые обнаружения оказываются результатом многомерных мыслительных актов, являющихся итогом одновременной активности *сердца и разума*.

Если теперь вернуться к *бриколлаж* уи более детально проследить его механизм, то, по-видимому, так же, как и механизм гештальта, он связан с принципом симметрии П. Кюри. Действительно, каждому из смысловых множеств, актуализируемых в ходе бриколлажа, можно сопоставить определенную группу симметрии. При объединении (мысленном

соотнесении) отмеченных множеств возникает уже новая группа симметрии, которой и соответствуют новые смыслы, обнаруживаемые в результате бриколлажа.

С одной стороны, прием бриколлажа направлен на воссоединение целого, с другой – на обнаружение смысловых нюансов, которые будут способствовать образованию все новых и новых смыслов. Бриколлаж, с одной стороны – дробит, с другой – соединяет.

Размышляя о приеме бриколлажа, важно подчеркнуть, что при реализации соответствующего приема отсутствует разница в том – **что именно** представляет собой тот или иной осколок. Осколок может быть проявлен *одним словом* (как в случае *тавтологии*, *тропов* или *эквивокации*) или набором потенциальных, не полностью обнаруженных смыслов (*парадокс*), или фрагментом какого-либо текста. Даже цитата, помещенная в текст, ведет себя как осколок, деформируя близлежащее текстовое окружение, создавая дополнительное когнитивное напряжение.

В контексте приема *бриколлажа* интересно рассмотреть *концепт*.

Если главное назначение бриколлажа состоит в соотнесении смысловых множеств с целью образования новых смыслов, то концепт является своеобразным *накопителем* смыслов. В этой связи *эквивокацию* и *тавтологию* можно рассматривать как своеобразные праформы по отношению к *концепту*. Действительно, в этих формах речевой деятельности имеет место существование одного *термина*, сопрягающего различные смыслы, термину соответствующие. При этом, как уже неоднократно было отмечено, в концепте сопрягаются уже не два, а множество смыслов. Все эти смыслы актуализированы одновременно, конечно же, настолько, насколько сознание гносеологического субъекта позволяет соответствующую актуализацию осуществить.

Если теперь обратиться к различию, то оно состоит в следующем: *концепт* – это *форма* (логическая форма многомерного мышления), объединяющая различные смыслы, соответствующие имени концепта, что же касается *бриколлажа*, то это прием, главное назначение которого организовать смысловое напряжение, результатом которого может оказаться обнаружение новых смыслов, становящихся очередным смысловым обретением тех или иных концептов.

С помощью приема *бриколлажа* появляется возможность прояснить и способ функционирования *символа*. Как уже было отмечено выше, всю полноту своего смыслового бытия символ обретает в *генетических текстах*. Будучи перенесенным в тот или иной культурный контекст, символ актуализирует в сознании познающего субъекта одновременно два набора смыслов: первый – тот, который извлекается из текста генетического, второй включает смыслы, соответствующие символу в новом контексте. В итоге актуализируются два смысловых набора, которые оказывают определенные взаимовлияния....

В качестве примера можно обратить внимание на так часто уже упоминавшиеся ранее постмодернистские коллажи, в которых фрагменты отдельных текстов, будучи вставленными в тексты иные, играют роль *осколка*, призванного, через деформацию первоначальной текстовой ткани, создавать определенное напряжение, становящееся источником стимулирования дальнейшей познавательной активности. Именно поэтому коллажи предстают высокопотенциальными системами, обладающими множеством смыслов, готовых к обнаружению.

Список использованной литературы

1. Леви–Строс К. Мифологии. В 4-х тт. Т. 1. Сырое и приготовленное / Пер. с франц. З.А. Сокулер, К.З. Акопян. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 406 с.

4. Богатая Л.Н. «Многомерная методология» и «многомерный метод» (фрагмент статьи: Богатая Л.Н. Eschatos в зеркалах предчувствий или о методе управления многоголосием // «Εσχάτως: философия истории в предчувствии конца истории». – Одеса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. – 366 с. – С. 350-361).

Словосочетание «многомерная методология» обнаруживается в текстах современных исследователей, работающих в различных предметных областях. Однако чаще всего употребление вышеотмеченного словосочетания отражает стремление обозначить то, что, скорее, предчувствуется, но пока не достаточно глубоко осознается. Попытка проследить историю становления представлений о *многомерной мет одологии* выводит одновременно на несколько исследовательских направлений, среди которых, в первую очередь, следует отметить следующие.

В русскоязычной философской традиции обсуждение темы многомерности впервые возникло в сфере изучения общества и его истории. В 80-х годах имели место активные дискуссии по поводу идеи существования *трех методологических измерений* в изучении общества. Эти измерения были названы соответственно *естественноисторическим* (или объективным), *деятельностным* и *личностным* (отмеченные теоретические исследования проводились В. Ж. Келле совместно с М. Я. Кольвазоном). Обсуждение идей многомерной методологии было подробно освещено на страницах журнала «Общественные науки и современность». Итоговые обзоры проходивших дискуссий были подготовлены В.Л. Алтуховым, который впервые дал достаточно подробный анализ термина *многомерность*, стал использовать термин «многомерное мышление» [1].

После достаточно широких обсуждений темы *многомерности* в 80-х годах повторное, но уже более осторожное обращение к теме в русскоязычной философской литературе стало обнаруживаться только в последние годы. При этом, в первую очередь, следует упомянуть работы В.Е. Кемерова по проблемам социальной философии. У отмеченного автора *многомерность* ассоциируется со *сложностью*. В частности, Кемеров пишет: «экономическое, одномерное представление о человеческой деятельности недостаточно, для объяснения, например, творческих процессов. Здесь уже требуется переработка этого представления, придания ему «глубины», выявления его конкретной многомерности» [5]. Предложенное понимание многомерности находится в ключе тех идей, которые широко обсуждались в 80-х годах в контексте проблем социального познания. Одномерность связывалась с учетом исключительно экономических представлений о человеческой деятельности.

Практически одновременно с обсуждениями многомерности, которые имели место в 80-х – 90-х годах в среде советских философов, занимавшихся проблемами обществознания, достаточно близкие идеи разрабатывались в англо-американской традиции философии науки. В этой связи, в первую очередь, необходимо упомянуть работы американского философа науки Лари Лаудана, предложившего несколько моделей *мета-методологий*. Первая из предложенных моделей была представлена в статье «Прогресс и его проблемы» (1981г.), в которой научные достижения рассматривались с точки зрения прогресса в решении тех или иных проблем. Фактически при таком подходе многомерность формировалась количеством фиксируемых проблем. И.С. Добронравова и ее коллеги отмечают, что в книге «Наука и ценности», вышедшей в 1984 году, Л. Лаудан предлагает новую форму мета-методологии, которая уже представляет научные изменения с помощью картины *сети моделей* - «сетевая модель науки» [3]. Ключевой идеей для построения этой модели становится идея того, что на протяжении всей истории развития науки корректировку претерпевают *онтологические, гносеологические, аксеологические* основания научных исследований, которые уже сами по себе формируют некое многомерное образование, похожее на упоминавшееся выше

трехмерное методологическое построение, предлагаемое для анализа социальных явлений и процессов В.Ж. Келле и М.Я. Кальвазоном.

Следует отметить, что идеи многомерных исследований, развиваемые В.Л. Алтуховым, В.Ж. Келле, М.Я. Кальвазоном, В.Е. Кемеровым в начале нового тысячелетия были продолжены в работах М.А. Дрюк [4], В.Б. Поповым [6] и другими. Не ставя в данной публикации задачи последовательного соотнесения различных точек зрения по поводу многомерной методологии, целесообразно сосредоточиться на характеристике самого термина и анализе практического инструментария многомерного метода, более подробно представленного в монографии [2].

Многомерная методология или многомерный метод

Как уже было отмечено, в современной литературе достаточно широко закрепилось употребление термина «многомерная методология», однако возникают определенные сомнения по поводу философской корректности подобного словосочетания. Сам термин *мет одология* толкуется как «знания о методе», учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности. Но если методологию понимать как знания о методах, то тогда *мет одология* сама по себе предстает образованием многомерным, и словосочетание *многомерная мет одология* оказывается простой тавтологией. Если же *мет одологию* понимать как учение о некоем **универсальном методе**, позволяющем обнаружить то общее, что просматривается в том или ином методе, то тогда выражение многомерная методология кажется уже вполне допустимым. Однако для того, чтобы избежать дискуссий по поводу того, что есть методология, терминологическое выражение *многомерная мет одология* лучше заменить выражением **многомерный мет од** и понимать под этим терминологическим сочетанием в дальнейшем тот особый метод, который возникает в результате совершения *многомерных мыслительных актов* (суть которых будет прояснена чуть ниже).

Метод и мышление

Традиционно метод считается инструментом познания. *Мет од* есть специфический способ взаимодействия *сознания, разума, мышления, тела*. Если допустить возможность существования различных состояний сознания, разума, мышления, телесности, то отсюда естественным образом вытекает разнообразие методов. Методология же позволяет видеть границы применения того или иного метода, области его максимально эффективного использования.

Вопрос о роли мышления в формировании метода является чрезвычайно интересной темой, требующей последовательной разработки. Определенный вклад в соответствующие разработки может внести изучение влияний многомерных ментальных актов на формирование многомерного метода.

Многомерное мышление

Развернуто представления о многомерном мышлении представлены в монографии [2]. В самом общем виде многомерное мышление можно определить следующим образом.

Начать следует с традиционно принятой классификации мышления, его разделения на *абстрактное, образное и практическое*. *Абстрактное* мышление связано с оперированием *словом*, *образное* – *образами*, *практическое* – сопряжено с *практической деятельностью*. В этой связи многомерное мышление является разновидностью абстрактного мышления и предполагает оперирование *словом*, представленным логической формой *концепта*, при этом *концепт* понимается как *открытое множество во множестве смыслов, соответствующих термину, концепт именуемому*.

Многомерное мышление связано с оперированием концептами, в то время как *линейное мышление* есть работа с понятиями (линейным мышлением предлагается называть традиционный способ мышления, описываемый правилами формальной логики). Введение термина *линейное мышление* осуществляется по аналогии с линейной функцией, для которой коэффициент пропорциональности оказывается величиной неизменной, подобно тому, как значения понятий не меняются в процессе оперирования ими.

Концепт оказывается ключевым элементом многомерного мышления и, соответственно, многомерного метода. Поэтому освоение многомерного мышления связано с освоением правил работы с концептами.

Концепты могут быть *авторскими*, если множество смыслов зафиксировано в текстах, созданных одним автором, и *смешанными*, когда одному и тому же термину ставятся в соответствие смыслы, извлеченные из совершенно различных источников. Смешанные концепты используются, чаще всего, в практике *обыденного* или *художественного* мышления, которое следует отличать от мышления *научного* либо *философского*.

Концепт может находиться в состоянии своего *статусования*, когда в ходе построения концепта актуализируются все новые и новые смыслы, соответствующие термину, концепт называемому, либо в состоянии *восстановления*, когда в результате анализа корпуса текстов, созданных тем или иным автором, имеет место восстановление соответствующего множества смыслов. Из отмеченного понятно, что смысловое множество того или иного концепта всегда является принципиально открытым, готовым к включению нового смысла. Фактически главной целью обращения к *концепту* является возможность обнаружения новых смыслов, данному концепту соответствующих, что, в свою очередь, позволяет осуществиться более глубокому постижению *суть* и тех или иных сущностных, феноменальных проявлений мыслимого (если под *сутью* понимать *то*, что возникает в результате синтезирования множества *смыслов*). Вероятность проявления новых смыслов повышается при *одновременном* оперировании уже вскрытыми смыслами.

Так как концепт представляет собой термин, стягивающий множество смыслов, которые могут быть поставлены в соответствие этому термину, то работа с концептами предполагает, в первую очередь, работу со смыслами. Работу со смыслами можно иначе назвать *смыслооперационными практиками*. Подробно представления о смыслооперационных практиках рассматриваются автором в монографии «На пути к многомерному мышлению». В самом общем виде можно отметить, что смыслооперационные практики включают четыре процедуры: *смыслопроявления*, *смыслопрояснения*, *смыслозакрепления*, *смыслоупотребления*. *Смыслопроявление* в самых общих чертах фиксирует смысл, ставящийся в соответствие тому или иному концепту. В результате операции *смыслопрояснения* происходит своеобразная «расчистка» обнаруженного смысла. *Смыслозакрепление* позволяет обнаруженный смысл выразить через набор проясненных терминов, значения которых являются устоявшимися в современном культурном сообществе. И, наконец, *смыслоупотребление* предполагает введение того или иного смысла в широкий культурный контекст, активную культурную циркуляцию. Операции смыслопрояснения и смыслозакрепления предполагают введения представлений о *локальном пространстве смыслов*. Смыслооперационные практики осуществляются в *локальных пространствах смыслов*.

Локальное пространство смыслов - это фактически уникальное авторское смысловое пространство, в котором циркулируют только те смыслы, которые прошли своеобразную авторскую селекцию. Любой записанный текст, устно высказанная речь автоматически открывают локальное пространство смыслов. Многочисленные тексты одного и того же автора связаны с единым локальным пространством смыслов. Однако возможны и такие ситуации, когда один и тот же автор формирует разные локальные смысловые пространства, тогда и говорят, к примеру, о работах «раннего» и «позднего» периодов творчества того или иного мыслителя.

Отличительной чертой локального пространства смыслов является наличие специфического *терминологического базиса* – или совокупности четко проясненных ключевых терминов исследования. Терминологический базис позволяет терминологически закрепить вновь обнаруживаемые смыслы. В локальных пространствах смысла и развиваются концепты, наращивая свою смысловую полноту. Однако как только

локальное пространство смыслов начинает обозреваться извне, появляется необходимость формирования нового, более мощного пространственного образования, которое предлагается именовать *гиперпространством смыслов*. В гиперпространстве смыслов одновременно актуализированными оказывается как минимум два локальных смысловых пространства. Подобная актуализация позволяет одновременно рассматривать один и тот же концепт, представленный в различных локальных смысловых наполнениях. Для того, чтобы не происходило процессуальной путаницы, концепт, исследуемый на уровне гиперпространства смыслов целесообразно именовать *метаконцептом*. Факт одновременной актуализации различных авторских концептов чрезвычайно важен, ибо именно он позволяет соотносить различные смысловые множества. Главная же цель отмеченного соотношения состоит в обнаружении новых смыслов, соответствующих метаконцепту.

Существование *метаконцепта* предполагает раскрытие смыслового пространства значительно большей мерности, нежели при работе с отдельными концептами, метаконцептами, что требует, несомненно, значительно больших когнитивных усилий познающего субъекта. Метаконцепт позволяет одновременно удерживать в раскрытом состоянии более мощные смысловые многообразия, нежели в случае концепта, повышая не только вероятность обретения новых смыслов, но и способствуя увеличению их качественного разнообразия. Таким образом, главное отличие *метаконцепта* от *концепта* в *мерности и смысловых пространствах*, необходимых для их существования. Соответствующая мерность является *непостоянной* (или иначе – *текущей*). Понимать сказанное можно следующим образом: мерность смыслового пространства, соответствующего тому или иному *концепту* или *метаконцепту*, определяется количеством одновременно актуализированных смыслов, которые сознательно удерживаются субъектом, оперирующим концептом. Это количество может со временем меняться, приводя к изменению мерности. Таким образом, практика оперирования концептами принципиально многомерна.

Особо следует подчеркнуть, что работа с метаконцептами направлена не на обнаружение неких *наиболее важных, истинных* смыслов, скорее, главной целью, как и при оперировании концептами, остается проявление смыслов новых.

Характеризуя *метаконцепт*, следует особо обратить внимание на способ его *временного развертывания*. Если каждый конкретный концепт связан с историческим временем (временем своего создания или воссоздания), то метаконцепт, с одной стороны, существует вне времени, ибо в нем одномоментно объединяются концепты, сформированные в разное историческое время, с другой стороны, в метаконцепте связь со временем сохраняется, ибо он сам сформирован в тот или иной исторический период и потому несет на себе соответствующие парадигмальные влияния, которые, в свою очередь, накладывают отпечаток на характер извлекаемых смыслов.

Представления о *локальном* и *гиперпространстве* смыслов, *концепте* и *метаконцепте* являются фундаментальными для реализации многомерного метода, претендующего на роль методологического основания проведения междисциплинарных исследований.

Для оперирования метаконцептом совершенно безразлично какова социокультурная природа того или иного локального пространства. В одном и том же гиперпространстве смыслов могут быть соотношены локальные пространства, порожденные в результате философских, религиозных, научных либо каких-то иных способов развития мысли. Многомерное оперирование метаконцептом не ведет к смешиванию смыслов, эксплицированных в контексте разных исследовательских традиций. Более того, каждый новый смысл, проявленный в результате действий с метаконцептом, проясняется, закрепляется уже не в гиперпространстве, а в локальном смысловом пространстве, с которым непосредственно и работает автор, использовавший возможности многомерного ментального акта.

О возможных проблемах на пути реализации многомерного мышления и многомерного метода

Самое первое знакомство с представлениями о многомерном мышлении может стимулировать вопрос: как овладеть практикой организации многомерного мышления? Ответ будет достаточно простым, но скорее всего, малоутешительным. Многомерное мышление предполагает реальное овладение техникой линейного или понятийного мышления, с умения четкого формирования локального пространства смыслов, фиксации терминологического базиса. Отмеченные процедуры формируют культуру линейного мышления. Что же касается мышления многомерного, то оно предполагает развитие навыков одновременного осознания, как минимум, двух локальных пространств смысла. Фактически любой диалог, попытка понять Другого ведет развитию многомерных ментальных способностей, ибо для того, чтобы *понять* необходимо проникнуть в иную систему смыслообразования. Мышление, актуализирующееся в процессе диалога, можно назвать *диалогическим мышлением*. Само *понимание* и есть обретение новых смыслов в результате соприкосновения с Другим. Соответственно непонимание во многом предопределено нежеланием погрузиться в исследование *иного* смыслового континуума, его отторжением.

Со времен Аристотеля прошло более двух тысяч лет и может показаться, что человечество достаточно хорошо освоило правила формальной логики, однако в ситуации с мышлением все не так просто. Мышление это всегда творчество, которое, с одной стороны, опирается на правила, с другой – их сознательно попирает. Поэтому реальные мыслительные акты являют собой смешение различных способов организации мысли, различных видов мышления. Реальная мысль развивается, мало заботясь о правилах. Эта *дионисическая* неуправляемость сдерживается *аполлоническим* началом. Любой автор, представляя результаты творчества интеллектуальному сообществу, должен привести свои рассуждения в соответствие с общепринятыми правилами логики. С одной стороны, это требование может показаться сдерживающими путями, с другой – только наличие отмеченных правил делает возможным сам факт эффективной коммуникации, способствует получению достоверного знания.

Мыслитель всегда колеблется между желанием максимально освободить мысль, предоставив ей возможность свободного развития, и необходимостью логического упорядочивания промысленного.

Конкретные сложности реализации многомерного ментального акта как основания многомерного метода

В процессе проведения междисциплинарных исследований можно выделить следующие наиболее распространенные сложности, оказывающиеся препятствием для реализации многомерного метода.

Нечеткое определение имени метаконцепта может стать поводом для сбоя многомерной коммуникации, вести к разрастающемуся непониманию. Так, к примеру, говоря об *эсхатосе*, можно легко перейти к синонимическим выражениям – *конец истории, конец мира, конец времен, конец света* и пр. На первый взгляд, речь идет об оном и том же феномене. И действительно, в бытовой речи представленные выражения часто используются как синонимы. Однако, допустимо ли подобное смешивание в научных или философских дискурсах? Очевидно, что нет. *Конец истории* предполагает четкого прояснения того, что следует понимать под *историей*. Та же самая ситуация складывается с выражениями *конец мира* или *конец времен*. Говоря же о *конце света*, все становится еще сложнее: если свет понимать в метафорическом значении, то возникает естественный вопрос: что именно скрывается за данной метафорой? Поэтому если в одном междисциплинарном обсуждении без специальных прояснений происходит обращение к выражениям *конец мира, конец истории, конец времен, конец света* – всеобщее непонимание **гарантировано** и разговор может оказываться беспредметным. Отсюда главной задачей организаторов междисциплинарной коммуникации оказывается

четкое определение имени метаконцепта или их совокупности. К примеру, разговор о *конце истории* может задать одно предметное русло, *конец времен* или *миров* – формирует иные предметные ракурсы.

Отсутствие четкого понимания особенностей смыслооперационных процедур может оказаться еще одной причиной сбоев многомерной коммуникации.

Представление любого концепта (имя которого соответствует коллективно рассматриваемому *метаконцепту*), в первую очередь, связано с демонстрацией тех **особенных смыслов**, которые ставятся ему в соответствие, причем смыслов уже достаточно проясненных в авторских локальных смысловых пространствах, что открывает возможность (при необходимости) четкого пояснения возникающих смысловых сдвигов. Однако, что же происходит в реальной ситуации, когда те или иные авторы не видят своей задачи в направлении смыслопрояснения, а выступают, к примеру, только в роли «переносчиков» смыслов?

Понятно, что вовсе не обязательно заниматься прояснением смыслов. Исследовательские задачи могут состоять, к примеру, в поиске текста, корпуса текстов, в которых исследуемый концепт употребляется, обнаруживает свое развитие. Или, например, в воссоздании исторического контекста создания того или иного текста, что позволяет четко осуществить операцию последующих смыслопрояснений. Понятно, что можно зафиксировать и множество других очень важных функций. Самое главное, чтобы сам участник многомерного коммуникативного акта (многомерного исследования) понимал, *что* именно он может привнести в коллективное обсуждение, способствуя более эффективной работе других.

Если тот или иной смысл в представленной экспликации оказывается принятым участниками многомерной коммуникации, включенным в их локальные смысловые пространства, то отмеченный смысл становится всеобщим обретением, обогащающим исследуемый метаконцепт.

Отсутствие четкого понимание цели и возможностей многомерного исследования оказывается, пожалуй, наиболее распространенной причиной возникающих многомерных коммуникативных сбоев. Любой исследователь, включающийся в многомерную коммуникацию, должен понимать, что его главным обретением могут стать лишь *новые смыслы*, обнаруживаемые у анализируемого метаконцепта. Основным достоинством многомерного исследования является одновременное существование различных локальных смысловых пространств, а не их унификация. Различие точек зрения обогащает и вовсе не является препятствием для понимания. Культура многомерной коммуникации состоит не в подчинении точки зрения Другого в угоду своим собственным исследовательским предпочтениям, а в умении увидеть, понять и творчески переработать *инаковость*.

Переход к многомерному мышлению можно сравнить с обретением возможности видения множества цветовых переливов после долгого периода включенности в практики монохромной организации мысли. Многоцветие первоначально ослепляет, происходит своеобразный «шок восприятия», препятствующий способности различать. Срабатывает исторически заложенный страх «вавилонского смешения». И лишь только время позволяет приспособиться к открывающимся дарам. На фоне многоголосия, перепевающего предчувствия эхатоса, человек реально переживает конец себя самого, конец «одномерного человека». Обретаемые способности позволяют не только обнаруживать, но и активно осваивать раскрывающуюся многомерность. Осколки зеркал соорганизуются в калейдоскоп и наблюдаемое складывается в удивительной красоты узоры, дарующие возможность причастия к гармонии.

Список использованной литературы

1. Алтухов В. Л. Логика человека – мироустроения / В. Л. Алтухов. – М.: Компания Спутник +. 2003. – 97. с.

2. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. — Одесса : Печатный дом, 2010. — 372 с.
3. Добронравова И. С. Новітня західна філософія науки / И. С. Добронравова, Т. М. Билоус, О. В. Комар. — К. : Вид. ПАРАПАН, 2008. — 216 с.
4. Дрюк М. А. Современные концепции многомерности как новой парадигмы мышления // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2002. — № 2. — С. 30—46.
5. Кемеров В. Е. Необходимость субъекта / В. Е. Кемеров // Субъект, познание. Деятельность. — М. : Канон + ОИ «Реабилитация», 2002. — С. 399—407.
6. Попов В. Б. Проблема многомерности в нелинейных процессах: попытка концептуального осмысления в научной литературе / В. Б. Попов // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. — 2010. — № 12. — С. 53—63.

5. Богатая Л. Н. Концепт и понятие (фрагмент монографии: Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. — Одесса : Печатный дом, 2010. — С. 222-228.

Слово как концепт или понятие

1. При очевидной близости *концепта* и *понятия* (вплоть до полного терминологического слияния в некоторых языках) процедура различения может быть осуществлена по нескольким отличительным признакам, первый из таких признаков — *возможность ст. рогой дефиниции*.

Если главной особенностью *понятия*, позволяющей работать с ним в рамках классической логики, является наличие четко определенного *содержания понятия*, то определить *концепт* через перечисление дефиниционных признаков оказывается невозможно. Эта невозможность проистекает из своеобразной *текучести* концепта, у которой есть вполне определенные корни.

По мнению С. Неретиной, введением *концепта* изреченное *Слово* разделилось на *Язык* и *Речь*. «Речь осуществляется не в сфере грамматики (грамматика включена в нее как часть), а в пространстве души с ее ритмами, энергией, жестиком, интонацией, бесконечными уточнениями, составляющими смысл комментаторства» [7, с. 17]. *Концепт* проявляет себя, в первую очередь, в *речевой деятельности*. С точки зрения представленных выше различных форм философской практики концепт используется в процессе *философствования* и потому предельно «*субъектен*».

Концепт может существовать и не только в речевых актах. В любых размышлениях с его помощью фиксируется *первая стадия формирования мысли*, глубоко сопряженная с *созерцанием, интуитивным чувствованием*. Именно на этой начальной стадии мышления появляется возможность обнаружения множества смысловых оттенков, часть из которых впоследствии будет утеряна при переливании *Речи* в *Язык*, при переходе с концептуального уровня рассмотрения на понятийно-категориальный.

Следующий этап более строгой фиксации *мысли* в *языке* актуализирует необходимость в *понятиях*, позволяющих реализовать коммуникативную определенность: *концепт*, с его содержательной зыбкостью и смысловой подвижностью, преобразуется, «отливается» в *понятие*. При этом мысль приобретает ясность, максимально отделяясь от породившего ее субъекта, со всеми особенностями его личностных восприятий, предопределенных историей развития субъекта. Происходит своеобразный процесс *десубъективизации*, или *обезличивания*. Мысль предстает *рассуждением*, истинность которого легко проверить с помощью правил формальной логики. Имеет место *усечение набора смыслов*, зафиксированных в речевом высказывании на первых этапах размышления.

Концепт и *понятие* предполагают существование различных способов логического развертывания. Концепт формируется не в результате фиксирования единичного высказывания, а как *множество предложений, фрагментов предложений, различных лексических форм*, с помощью которых отображаются смыслы *термина*, концепт именуемого. Эти смыслы фиксируются в одном или некотором множестве текстов,

составляющих определенное концептуальное единство. Ни один из смыслов концепта не является выделенным, все они одинаково значимы.

Итак, если главное назначение *концепта* – фиксирование совокупности смыслов, соответствующих *термину*, концепт именуящему, то понятие фиксирует не *смысл*, а *содержание понятия* – существенные признаки и свойства определенного класса предметов.

На первый взгляд может показаться, что *содержание понятия* и есть его *смысл*. Но последовательное продумывание отмеченного позволяет обнаружить следующее. Само слово *смысл* означает **сопряженность мысли**, которая находится в состоянии непрерывного становления. Из сказанного вовсе не вытекает, что мысль нельзя зафиксировать, а зафиксировав – остановить. *Мысль высказанная, мысль записанная* и есть, в какой-то мере, *мысль остановленная*. В ней хранятся следы **сопричастия смыслам**, но живой *соединенности* со *смыслами* уже нет. Непосредственного «*смыслокасания*» нет и в *понятиях*. Прямая связь со *смыслами* сохраняется только в *концептах*. Концепт предстает своеобразным способом непосредственного вхождения во взаимодействие со *смыслами*.

Связь *концепта* со *смыслом* является наиболее важной чертой, определяющей его природу, что позволило Л.А. Микешиной заключить: «в целом, концепты – это «интерпретаторы смыслов», форма обработки субъективного опыта...» [5, с. 506]. Обнаруживаемая связь *концепта* со *смыслом* требует дальнейшего теоретического исследования. Пока же, к сожалению, как опять же справедливо отмечает Л.А. Микешина, «многие (в том числе современные) исследователи **не заметили** введения нового термина для обозначения *смысла* высказывания, потому в большинстве философских словарей и энциклопедий концепт отождествляется с понятием или выражает его содержание» [5, с. 506].

О тесной связи *смысла* и *концепта* писал и известный французский психолог Ж. Ришар. В частности, он отмечал: «концепт – это базовая когнитивная сущность, позволяющая связывать смысл со словом, которое мы употребляем» [5, с. 505]. Приведенное утверждение можно было бы уточнить: каждый концепт «*схватывает*» не один, а одновременно некоторое *множество* близких смыслов. Стянутые концептом смыслы имеют разную вероятность своего последующего употребления. Вероятность актуализации в той или иной культурной ситуации некоторых смыслов столь низка, что они так и остаются лишь *потенциально обозначенными* в концепте.

Текст или *совокупность текстов*, в которых концепт обретает свое бытие, формируют некоторое *локальное смысловое пространство*, позволяющее концепту осуществлять свое смысловое развертывание. При этом *термин*, представляющий концепт, выполняет роль своеобразного *аттрактора*, стягивающего образующиеся смыслы (английского слово *attract* — привлекать, притягивать). Смыслы, фиксируемые концептом в локальных смысловых пространствах, можно было бы определить как *промежуточные*. Из множества промежуточных смыслов исследователь пытается обнаружить смыслы наиболее *значимые*, требующие «*переливания*» в понятие.

Смысловая подвижность концепта предопределяет его высокий креативный потенциал, обнаруживающийся в процессах оперирования концептом. Это оперирование сопровождается возникновением все новых и новых смысловых нюансов, оказывающихся, с одной стороны, основанием для формирования смыслового разнообразия, с другой, несомненно, усложняющих процесс коммуникации. Именно этот недостаток *концепта* и устраняется при использовании *понятия*.

2. Следующим важным отличием *концепта* и *понятия* является их, соответственно, *текучесть* и *стабильность*.

Бытие концепта характеризуется *текучестью*, высокой смысловой изменчивостью. «Концепт смутен и зыбок...ему присущ блуждающий, недискурсивный характер» [3, с. 184]. В то же время *понятие* в своем содержании относительно стабильно. По замечанию

С. Неретиной, «в мире возможностей, связанном с текучестью...нет места понятию, останавливающему текучесть, связывающему разнообразие субъектов в некоторое объективное единство» [7, с. 18]. *Смысловая изменчивость* концепта противостоит *смысловому постоянству* понятия.

3. Совместное рассмотрение концепта и понятия обнаруживает у них еще одно существенное различие. Понятие фиксирует *наиболее существенные* признаки и свойства предмета, в то время как в концепте закрепляются смыслы, позволяющие обнаружить *существенные и несущественные* свойства и признаки. Таким образом можно предположить, что концепт выполняет определенную *коннотативную функцию* (средневековое латинское слово *connotatio*, происходит от латинского *con* – вместе и *noto* – отмечаю, обозначаю). В современном языкознании *коннотация* означает дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы (понятия или категории) (как известно, в семиотику понятие коннотации было введено Л. Ельмслевом в его знаменитых «Прологоменах»). В результате коннотации обнаруживаются дополнительные семантические и стилистические аспекты, связанные с основным значением слова. Коннотативная функция не является для концепта основной. В концепте значимые и малозначимые смыслы никак не разделены, что позволяет высказать следующее предположение: главная цель актуализации различных смыслов в концепте состоит не в упорядочивании по тому или иному основанию уже обнаруженных смыслов, не в ранжировании смыслов на более и менее значимые, а в том, чтобы оптимальным образом реализовать *возможность получения новых смыслов*.

4. Следующий признак, позволяющий отличить *концепт* от *понятия*, связан с фигурой *Другого*. *Понятие* с его четко очерченным содержанием практически индифферентно по отношению к тем, кто им пользуется. Что же касается *концепта*, то он для своего проявления требует *слушателя* или мыслимого *собеседника* – *Другого*, присутствие которого и позволяет ориентироваться, приостанавливаться в стремительном потоке возникающих смысловых интуиций, готовых к проявлению. В присутствии *Другого* осуществляется своеобразный акт *селекции* возникающих смыслов.

Интересно отметить, что для второй половины XX века был характерен повышенный интерес к теме *Другого*. Блестящие работы С. Библера, М. Бахтина, М. Бубера фактически готовили почву для будущего теоретического осмысления *концепта*, ибо, важно еще раз подчеркнуть, фигура *Другого* чрезвычайно важна при оперировании концептами.

5. Соотнесение *понятия* и *концепта* позволяет обнаружить еще один отличительный признак, который дает возможность осуществить их наиболее четкое различие. *Понятие* максимально приближено к *предмету*. Понятие есть «совокупность признаков предмета, совокупное обозначение общих свойств данного класса предметов» [4, с. 170]. Концепт же связан «с последовательностями идей, цепь которых воссоединяется над лакуной» [3, с. 206]. Концепт обладает «реальностью виртуального, нетелесного, бесстрастного существа» [3, с. 202]. Или, опять же, по мнению Делеза / Гваттари, «философия с помощью концептов все время извлекает из состояния вещей консистентное событие (как бы улыбку без кота)» [3, с. 162]. Удивительный образ Л. Кэррола «*улыбки без кота*» очень точно передает некоторое субстанциональное дистанцирование концепта, его *эссенциальность*.

Проведенное различие *концепта* и *понятия* может актуализировать вопрос: что же первично – *понятие* или *концепт*? С точки зрения автора, размышления над подобными вопросами бесполезны, ибо понятие и концепт являются *взаимодополняющими логическими формами*. Называть концепт *прототипом* по отношению к понятию целесообразно лишь по следующей причине. Возможно, в процессе мышления изначально имеет место оперирование *концептом* и только затем мысленное обозрение всех смыслов, стянутых концептом, позволяет перейти к фиксации содержания *понятия*. Однако при этом не следует полагать, что *исторически* оперирование концептом предшествовало

оперированию понятием. Возможность работы с концептами нарабатывалась человечеством в результате освоения процедур обращения с понятиями.

Сложность работы с концептами состоит в том, что они по своей природе – **многомерны**. Соответствующую многомерность следует понимать как необходимость **одновременной** актуализации всего «схваченного» концептом, всей совокупности его смыслов. Соответствующий многомерный охват возможен только в результате актуализации **многомерного мышления**, предполагающего открытия **смысловых гиперпространств**. Более двух тысяч лет, начиная со времен античности, человечество развивало способность обнаружения, фиксирования понятий, правильного мышления с их помощью. И только в двадцатом веке стало настойчиво обнаруживаться тяготение к осознанному оперированию не только понятиями, но и **концептами**. **Концепт** и **понятие** проявили различие своих когнитивных функций. И **концепт**, и **понятие** используются в практике мышления, но при этом их назначения существенно отличаются.

Слово выступает как **понятие** в тех случаях, когда необходимо зафиксировать **общие, наиболее существенные признаки, свойства** наблюдаемых предметов. **Слово**, выступающее в роли **понятия**, позволяет реализовывать строгость формально-логических операций, четкость коммуникативных актов. Важность и значимость **понятий** в развитии мышления сложно переоценить. Благодаря **понятиям** мысль обретает филигранную точность и ясность. Кроме того, понятийное мышление актуализирует необходимость в такой важной когнитивной процедуре, как **именование**, ибо вновь обнаруженному необходимо дать имя. Но, с другой стороны, познание не ограничивается **только** обнаружением все новых и новых признаков и свойств предметов. Все обнаруженное необходимо **соотнести, связать, обозреть** в некой целостности. И вот для выполнения этой функции **понятие** оказывается малоприспособленным. Мысль, начатая в понятиях, сопровождается генерированием новых смыслов. И то **слово**, которое изначально выступало как **понятие**, стягивая различные смыслы, обращается в **концепт**.

В качестве примера сказанному можно рассмотреть **событие**. С одной стороны, слово **событие** может предстать как понятие, содержание которого отражено в различных словарях. С другой, можно рассматривать **концепты «события»**, развиваемые, к примеру, М. Хайдеггером, Ж. Делезом или И. Пригожиным. Эти концепты связаны одним и тем же **термином**, но они **существенно различны**, ибо развиваются в специфических **локальных пространствах смысла**, сформированных на различных **терминологических базисах**.

Работа со словом в качестве **понятия** или **концепта** предполагает соблюдение специальных логических правил, и именно поэтому неразличение функций понятия и концепта может приводить к ошибкам в мышлении. Мышление с помощью **концептов** позволяет реализовать принципиально иной способ учета причинно-следственных связей, нежели мышление с помощью понятий. Более глубокое понимание отмеченного возможно в результате последовательного изучения функциональных возможностей концепта.

Концепт и **понятие** следует рассматривать как взаимодополняющие когнитивные инструменты: отсутствие **понятий** (пренебрежение работой по развитию понятийного аппарата) может привести к ничем не ограничиваемому смысловому растеканию, отсутствие же **концептов** ведет к самоисчерпанию знания, ибо использование исключительно понятийного мышления (линейного, формально-логического мышления) подавляет возможность генерирования принципиально новых смыслов, способствующих обнаружению нового.

Понимание различий **концепта** и **понятия** позволяет осознать причину преимущественного использования этих когнитивных инструментов в той или иной сфере познавательной деятельности. **Понятие** чаще всего применяется в науке, **концепт** – в гуманитарной сфере.

Однако представленное разделение сфер использования **концепта** и **понятия** является в некоторой мере условным, ибо понятия могут быть достаточно эффективно использованы и в гуманитарном знании, а концепты – в естественнонаучном. Что же касается

философии, то для нее характерно применение когнитивного инструментария во всей его полноте. Философы обращаются в своей практике как к *концептам*, так и к *понятиям*. Л.А. Микешина отмечает, что в философии принципиально невозможно «искоренить» концепты и заменить их логически строгими понятиями. Она пишет: «По-видимому, концепты и понятия должны существовать в философских рассуждениях на паритетных началах дополнительности... Введение понятий с их логической строгостью и однозначностью необходимо, но оно не решает многих содержательных проблем философии в тех сферах, где она обращается к человеку» [5, с. 520].

Понимание особенностей природы *концепта* и *понятия* должно способствовать преодолению жестких границ, разделяющих в настоящее время гуманитарную и естественнонаучную сферы познания.

Подобно тому, как концепт и понятия дополняют друг друга в практиках мышления, взаимодополняющими следует признать гуманитарное и естественнонаучное знание. Более того, можно мыслить возможность объединения гуманитарных и естественнонаучных подходов, однако фактически это объединение может быть осуществлено только в результате познания отличительных особенностей, специфики соответствующих когнитивных инструментов. И если правила оперирования *понятиями* отражены в рамках формальной логики, то логические требования к оперированию концептами только начинают себя обнаруживать.

Подводя промежуточный итог проведенным рассуждениям, можно заключить, что *концепт* и *понятие* различаются с помощью следующих признаков:

- 1) отсутствие (наличие) строгой дефиниции;
- 2) востребованность (индифферентность к) фигуре *Другого*;
- 3) удаленность (приближенность) к предметам вещного мира;
- 4) текучесть (устойчивость) смыслов, соответствующих концепту (понятию);
- 5) способность (неспособность) фиксировать смыслы, характеризующие несущественные, случайные признаки, свойства предметов.

Список использованной литературы

- Алтухов В. Л. Логика человека – мироустроения / В. Л. Алтухов. – М.: Компания Спутник +. 2003. – 97. с.
- Попов В.Б.
Кемеров В. Е. Необходимость субъекта / В. Е. Кемеров // Субъект, познание. Деятельность. — М. : Канон + ОИ «Реабилитация», 2002. — С. 399—407.
- Добронравова И. С. Новітня західна філософія науки / И. С. Добронравова, Т. М. Билоус, О. В. Комар. — К. : Вид.ПАРАПАН, 2008. — 216 с.
- Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. — Одесса : Печатный дом, 2010. — 372 с.
- Дрюк М. А. Современные концепции многомерности как новой парадигмы мышления // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2002. — № 2. — С. 30—46.
- Алтухов В. Л. Логика человека– и мироустроения / В.Л. Алтухов – М. : Компания спутник +. 2003. – 97 с.
- Попов В.Б. Проблема многомерности в нелинейных процессах: попытка концептуального осмысления в научной литературе / В.Б. Попов // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – 2010. – № 12. – С.53–63.

6. Богатая Л.Н. Размышления о парадигме и способах ее исследования // Науковий вісник Чернівецького університету. Серія «Філософія». – 2013. – Вип. 663-664. – С.10-19.

Употребление слова парадигма в последнее время стало настолько частым, что возникает очевидный вопрос: в чем причина подобного феномена? Почему термин, сформировавшийся первоначально в недрах научного знания, стал столь широко

востребован в текстах совершенно различной природы? Можно ли говорить о существовании гуманитарной парадигмы? Как следует именовать современную парадигму? К сожалению, дать ответы на поставленные вопросы становится практически невозможно без более глубокого осмысления того, **что именно** обозначается столь распространенным термином. Попыткам более глубокого прояснения природы парадигмы и посвящена данная публикация. Возникновению представленного текста, во многом, способствовало знакомство с монографией одесского философа А.И.Афанасьева [1], в которой осуществляется попытка прояснения понятий гуманитарное знание, гуманитарные науки, гуманитаристика и в ходе предпринятых исследований особое внимание уделяется обсуждению вопроса о гуманитарной парадигме и ее роли в формировании гуманитарного знания. Многое, из отмеченного А.И.Афанасьевым, кажется весьма интересным, но некоторые спорные моменты стимулировали проведение более детальных осмыслений.

Парадигма и ее переопределение

Вероятно, самому Томасу Куна сложно было предположить, какое широкое распространение получит веденный им, применительно к методологии науки, термин. Сегодня обнаруживаются многочисленные упоминания о *культурной парадигме, гуманитарной парадигме, философской парадигме, образовательной парадигме*. При этом возникает естественный вопрос о правомерности подобных терминологических выражений.

Этимологические погружения в историю слова парадигма мало что проясняют. Греческое *παράδειγμα* актуализирует терминологический ряд *пример, модель, образец*. Однако анализ элементов этого ряда мало способствует фундаментальным прояснениям.

Если же попытаться обратиться к текстам законодателя моды на употребление термина парадигма – Т.Куна, то вниманию предстают достаточно хорошо известные формулы:

1. «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [10, с.17].

2. Парадигма есть *система предписаний* [10, с. 29]; «предписания, управляющие нормальной наукой, определяют не только те виды сущностей, которые включает в себя универсум, но, неявным образом, и то, чего в нем нет» [10, с. 30].

Уже на основании двух этих утверждений можно попытаться расширить существующие толкования парадигмы.

Из того, что парадигма это **признанные всеми научные достижения** вытекает, что она предстает неким статистическим феноменом, результатом вторичной рефлексии, осуществляемой учеными по отношению к своим же исследованиям (рефлексиям первичным). Иначе – парадигма является продуктом *коллективного разума, коллективного сознания*, которые просматриваются у Куна под именем *научные сообщества*. Таким образом, еще в шестидесятых годах прошлого столетия, благодаря представлению о *парадигме* косвенно актуализировались размышления о некоей **коллективной исследовательской «протоформе»**, которая, с одной стороны, формируется в результате деятельности научного сообщества, с другой, формирует и направляет эту исследовательскую активность. Толкуемая таким образом парадигма вызывает достаточно очевидную ассоциацию с «параметрами порядка», возникающими в процессе развития сложных открытых нелинейных систем, исследуемых в рамках синергетического подхода.

Важно подчеркнуть, что весь двадцатый век был ознаменован практическими и теоретическими освоениями идеи **коллективизма**: создание коммунистических государств, партий, коммун, формирование коллективных органов управления – ООН, ... Первые две трети двадцатого века европейская гуманитаристика развивалась, с одной стороны, в ходе переваривания идеи **коллективного бессознательного**, с другой – в

различных практиках ассимиляции идей *марксизма*. В традиционных же науках на месте **коллективного бессознательного** оказался **сознательный коллективный выбор**, сознательное вероятностное взвешивание, зафиксированное именем *парадигма*.

Если теперь в выражении *признанные всеми научные достижения* акцент переставить на последнее словосочетание, то обнаруживается причина современных осложнений с толкованием парадигмы.

Действительно, что следует понимать под словосочетанием **научные достижения**? Является ли это выражение проясненным в гносеологическом или эпистемологическом плане? На первый взгляд, создается впечатление, что никакой проблемы тут нет. Научные достижения - это общепринятые *теории, концепции, подходы* (в смысле С.Б.Крымского [9]), *методы*, сформировавшиеся в рамках этих подходов. Но если так, то употребление выражений *гуманитарная парадигма (парадигма гуманитаристики)* или *философская парадигма* едва ли является правомерным, ибо ни гуманитаристика, ни философия, чаще всего, не оформляет результаты своих исследований в форме строгих теорий или концепций (в данном случае под *гуманитаристикой* понимается то, что остается после вычитания *гуманитарных наук* из общей совокупности *гуманитарных исследований*).

Но, с другой стороны, возможно и более широкое толкование словосочетания *научные достижения*, за счет включения в уже обозначенный ряд – *ключевых научных концептов и представлений*. При таком расширенном толковании оказываются возможными словосочетания *гуманитарная парадигма, культурная парадигма, философская парадигма* (о философской парадигме ниже речь будет идти особо).

И, наконец, еще раз возвращаясь к словосочетанию **признанные всеми научные достижения** обнаруживается, что это утверждение само по себе несет проблему (а может, и наоборот: именно в такой формулировке это утверждение является жизнеспособным). Речь идет о следующем: совершенно очевидна иллюзорность, невозможность чего-либо быть «признанным всеми», ибо всегда найдутся те, кто не признают, к примеру, «общепризнанную теорию». Следовательно, куновская *формула 1. допускает существование* или даже *декларирует существование* того, что можно именовать *а-парадигмальным*. На первый взгляд, возникает вопрос: что конструктивного может быть в подобном утверждении? Определенную ясность может внести рассмотрение *формулы 2.*

Парадигма есть *система предписаний* [10, с. 29]; «предписания, управляющие нормальной наукой, определяют не только те виды сущностей, которые включает в себя универсум, но, неявным образом, и то, чего в нем нет» [10, с. 30]. Представленное выражение содержит в себе несколько интересных для толкования моментов.

Момент первый. Само слово «предписание» (у Куна – «commitments» рус. *обязательство, приверженность*).

Если задуматься по поводу устройства русского слова *пред-писание*, то, фактически, это *то*, что *предшествует* *писанному*, некий *неписанный закон*, который бывает сильнее настоящего закона (вспоминается история из жизни русского купечества: в далекие времена, когда еще не существовало нотариальных контор, купцы скрепляли свои соглашения в храмах. Слово, произнесенное в Храме, обретало силу Закона, при этом – неписанного закона). *Предписание* – это то, что сильнее записанного. Предписание **неукоснительно** к исполнению, это своеобразный Закон закона (опять же, возникает ассоциация с параметром порядка). С другой стороны, предписание это то, что существует до записи слова. Но тогда, чем же является предписание?

Момент второй. Чрезвычайно интересным кажется и употребленный Куном термин *универсум*. Казалось бы, в подобном выражении можно было бы сказать «*виды сущностей, которые включает в себя окружающий мир*». Но сказано, не *мир*, а *универсум*. Сложно утверждать без проведения специальных исследований, каких именно взглядов на *универсум* придерживался Т.Кун, но если предположить, что ему были близки позиции Лейбница, рассматривавшего *универсум* как множество всех возможных миров,

из которых только один мир реален, остальные миры предстают логически возможными, то появляется ключ к прояснению третьего, наиболее сложного момента

Момент третий. Кун говорит: «не только те виды сущностей, которые включает в себя универсум, но, неявным образом, и то, **чего в нем нет**» [10, с.30]. Но, что означает загадочное выражение «**неявным образом, и то, чего в нем нет**»? Не делается ли подобным высказыванием намеков на необходимость еще одного онтологического прорыва: привычной европейскому сознанию связке «мир-универсум» подбрасывается мысль о необходимости расширения универсума. Ведь «то, чего нет в универсуме», должно **где-то** быть? Тогда как следует именовать это **где-то** и как оно соотносится с универсумом? И далее: что это за *сущности*, которых нет в универсуме, и благодаря которым создаются предписания, управляющие нормальной наукой? («предписания, управляющие нормальной наукой, определяют не только те виды сущностей, которые включает в себя универсум, но, неявным образом, и то, чего в нем нет»). В этой связи вспоминаются удивительно близкие рассуждения об *иерархической структуре* и особенностях функционирования ее элементов, принадлежащие Альфреду Кастлеру, лауреату Нобелевской премии по физике (1966 год). Концепция *холона*, предложенная А. Кастлером в работе «The Ghost in the Machine?», достаточно подробно анализировалась В.И. Аршиновым, переведившим на русский язык фрагменты кастлеровского текста [1]. По поводу *холона* Кастлер пишет: «Мы находим промежуточные структуры на последовательности уровней в восходящем порядке сложности, каждая из которых имеет два лица, смотрящих в противоположных направлениях; обращенное к нижнему уровню выглядит как нечто целое, автономное, обращенное вверх – как зависимая часть.... Я предложил термин «холон» для этих янусоподобных подансамблей – от греческого *холос* – целое с суффиксом *он* (протон, нейтрон), предполагающим частицу, или часть» [1, с. 72]. Кастлер подчеркивает, что «холон есть открытая, саморегулирующаяся система, управляемая набором фиксированных правил, которые предлагается назвать канонам холона» [1, с. 72]. Не являются ли *предписания*, управляющие наукой, в какой-то мере подобными кастлеровским *холонам*? Но если так, то по поводу парадигмы, понимаемой как *системы предписаний*, достаточно естественно выдвинуть следующее гипотетическое утверждение.

Сама по себе **парадигма** является *сверхсложным открытым саморегулирующимся человекокосмомерным* образованием.

Это утверждение может рассматриваться, с одной стороны, как *дополнительное* по отношению к сложившимся в философии науки определениям парадигмы, с другой – как определение, задающее принципиально иной исследовательский ракурс.

Зафиксированная формула требует специальных прояснений терминов *сверхсложная система* и *человекокосмомерность*.

Сверхсложная или сложностная система

Фундаментальные интуиции по поводу *усложняющейся сложности* (или, как говорит В.И.Аршинов «изошренной сложности») можно обнаружить уже в ставшем классическим тексте «Порядок из хаоса», написанном И.Пригожиным в соавторстве с И. Стенгерс. В самом начале работы авторы отмечают следующее: «Наше видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности» [13, с. 34]. Сложность, тем самым, предстает не единственным объектом достойным исследовательского внимания, а дополняется *темпоральностью* и *множественностью*.

Современные представления о *сверхсложности* (*усложняющейся сложности, сложностности*) развиваются в направлении понимания сверхсложного как того, что включает одновременно познаваемую реальность и самого познающего субъекта. Помимо этого, подчеркивается, что *сложностность* обнаруживается там, где имеет место непрерывная процессуальность. Э. Морен по этому поводу замечает следующее: «Перед нами стоит проблема \square ультуроло – комплексной, проявляющейся во множестве форм,

неопределенной, находящейся в «ультурол – ультуролог» [12, с. 91]. Предметом исследования в сверхсложных открытых саморегулирующихся системах становятся процессы развития этих систем, процессы, происходящие в результате тесного сопряжения *познаваемого* и *сложностного* познающего субъекта.

Обращение к *усложняющейся сложности* актуализирует представления о сложностном мышлении. Я.И.Свирский, переводчик книги Ж.Делеза и Ф.Гваттари «Тысяча плато» на русский язык, отмечает, что *сложностное мышление*, развиваемое отмеченными авторами, ориентировано на «схватывание той динамики (часто именуемой термином «становление»), которая со все большей очевидностью проникает во все поры как социальной жизни, так и психического или физического существования человека» [5, с. 689]. В текстах Делеза и Гваттари *сложностное мышление* связано с представлениями: а) о *плато*, на котором одновременно представлены различные исследовательские линии, являющие собою сложную *ризоматическую* вязь; б) о *планах констистенции и имманенции*; в) о *процессах сборки*, с помощью которых осуществляются мгновенные остановки сложностных мыслительных актов.

Сложностность актуализирует проблему непрерывно меняющегося *познающего субъекта* – *наблюдателя сложностности* (эта тема активно развивается в работах В.И.Аршинова).

Развертывание представленного определения парадигмы

После всех проведенных прояснений возникает закономерный вопрос: какова польза от определения парадигмы как *сверхсложного откритого саморегулирующегося человекокосмомерного* образования? Главные результаты можно эксплицировать следующим образом.

1. Парадигма – это **след** (текущий, всегда изменяющийся) онтологического развертывания человечества. Парадигма есть своеобразный «управляющий кокон», в который погружено человечество, «специфическая среда» направляющая его становление.

2. Парадигма – плод коллективной **творческой активности** и человечества.

3. Парадигма сущностно отличается от привычных для человеческого познания объектов окружающего мира. Главное отличие состоит в том, что, с одной стороны, парадигма проявляется в результате творческой активности научного сообщества, Но, с другой стороны, (подобно *холоду*) парадигма формируется под влиянием универсума и чего-то еще – *сверхуниверсумного*, что пока еще сложно помыслить. Парадигма схватывает не то, что **есть** в мирах, а то, что обнаруживается как результат мирового и, как минимум, универсумного взаимодействия (синергии). Размышления о парадигме актуализируют представления о *протомировой среде* (прото – от др.-греч. Πρῶτος означающего «первый»). В каком-то смысле, универсумная среда предшествует мировым средам (к сожалению, глагол *предшествует* в данном случае не является особо удачным, ибо для соотнесения *универсумного* и *мирового*, скорее всего, следует пересматривать традиционные представления о причинности).

4. **Текучесть** – принципиальная особенность существования парадигмы.

Можно предположить, что глубинное предчувствие универсумных влияний хорошо знакомо человечеству. Оно отражено и в образе мифологического морского существа Протея, способного к непрерывным изменениям, и в развиваемой Гераклитом идее текучести.

Продумывание положения о принципиальной текучести парадигмы приводит к мысли о возникновении определенных противоречий с куновскими рассуждениями о научных революциях, предопределяемых парадигмальными скачками. Возникает естественный вопрос: какой скачок может произойти в том, что принципиально текуче? Однако это противоречие может быть легко устранено, если, опять же, обратиться к куновской формуле 2, согласно которой: «предписания, управляющие нормальной наукой, определяют не только те виды сущностей, которые включает в себя универсум, но,

невным образом, и то, чего в нем нет» [10, с. 30]. Но если речь идет о сущностях, которых нет в универсуме, то, как уже отмечалось выше, естественно предположить их существование в том, что универсумом не является. Из отмеченного возникает основание для следующего предположения: универсумные влияния на процессы, происходящие в проявленных мирах, парадигмально фиксируются и обуславливают текучесть парадигмы. Что же касается *сверхуниверсумных манифестаций* (влияний со стороны тех «сущностей», которых в универсуме нет), то эти влияния и могут определять **фундаментальные парадигмальные изменения**, **парадигмальные скачки** (важно подчеркнуть, что «сверхуниверсумное нечто» вовсе не следует мыслить как нечто **трансцендентное**. Его нынешняя непроявленность – лишь следствие существующего уровня онтологического развертывания человечества. Исследования парадигмальных скачков и дают возможность направить внимание (настроиться в своих интенциях) на это «сверхуниверсумное нечто»).

Представленный вариант прочтения куновской формулы 2 может показаться в определенной мере некорректным, потому что «сущностями, которых нет в универсуме» вполне могут быть и сущности □ультуролог миров (опять же, возникает ассоциация с холоном). Тогда получается, что *мировые сущности*, взаимодействуя (лучше – **взаимосодействуя**) с *универсумными* и предопределяют парадигмальные изменения.

Видится, что к рассмотрению целесообразно принять оба варианта толкования куновской формулы 2. И только их последующее осмысление даст возможность осуществить исследовательские предпочтения.

Практика наблюдения парадигмы

Использование в названии подзаголовка существительного «*наблюдение*», вместо более привычного термина «**исследование**» кажется достаточно принципиальным. *Исследовать* можно объекты мировой проявленности, то же, что позиционировано универсумно (*сверхуниверсумно*), можно, скорее, *наблюдать*.

Несмотря на то, что наблюдения является достаточно изученным инструментом научных исследований, в данном случае появляется возможность расширения и углубления понимания того, как следует понимать соответствующую операцию.

Естественно предположить, что в практику наблюдения входит процедура *схватывания*, достаточно подробно прояснявшаяся в рамках феноменологической традиции, да и не только там. Ж.Делез и Ф. Гваттари, к примеру, пытались рассуждать о том, что происходит до схватывания, вводя представления о *плане имманенции* и *плане консистенции* ([6]). *Схватывание* заканчивается *именованием* схваченного в ходе сознательного акта («вылавливанием концептов»). Процедурой именования наблюдение обращается к языку, его познавательным возможностям. Именованное и предстает объектом для последующих интенций. Однако тут есть своеобразная опасность: исследование именованного это есть уже своеобразная *мировая практика*, доименное же наблюдение – *практика мирово-универсумно-сверхуниверсумного взаимосодействия*. Такое **доименное наблюдение** традиционно связывается с практиками функционирования **сознания**. Появление же имени актуализирует процессы *мышления*.

Именование парадигмы

Из отмеченного выше вытекает, что *именование* парадигмы предстает первой практикой ее мирового **исследования**.

В современном интеллектуальном континууме зафиксировались многие выражения, с помощью которых закреплялись названия современной парадигмы, это и – *лазерная парадигма* (Г.Хакен), *голографическая парадигма* (Д.Бом), *коммуникативная парадигма* (Ю.Хабермас, В.И.Аршинов), *синергетическая парадигма* (разработкой которой занимались очень многие авторы), *сетевая парадигма* (М.Кастельс), *парадигма антропологического размыкания* (С.С.Хоружий), *информационная парадигма*. Некоторые из этих именовании стали уже определенной историей, некоторые же претендуют на отражение самых современных тенденций. В связи с отмеченным возникает очень важный

вопрос: что в исследовательском плане дает именование парадигмы? Что следует за соответствующей практикой исследования парадигмы?

Элементарное наблюдение за тем, как откликается научное сообщество на введение очередного имени для парадигмы, позволяет обратить внимание на два очень значимых в исследовательском плане последующих действия.

Имя парадигмы являет собой некий «компакт», представленный набором букв. На первый взгляд, подобное утверждение кажется полнейшей бессмыслицей, ибо – из чего же может состоять слово, как не из букв? Однако если на отмеченное посмотреть с точки зрения (в контексте) современных нанотехнологических представлений, то обнаруживается следующее.

Эра нанотехнологий открывает перед человеком возможность более глубокого уровня управления материей, создания новых атомарных композиций, которые не существовали ранее в окружающей природной среде. Если перейти к терминологии, которая была представлена выше, то можно выразиться так: на мировом уровне своей актуализации человек использует элементы той материи, которую ему предоставляет планета. Тем самым проявляется *человекогеомерный* способ мирового развертывания. Однако проявление способностей конституирования с помощью нанотехнологий той материи, которой нет в окружающей планетарной среде, приводит к тому, что человек выходит на универсальный (более высокий по сравнению с мировым) уровень своего развертывания, проявляя *человекокосмомерность*. При этом открываются и новые качественные возможности по отношению к использованию языка. Человек активно включается в *переконструирование* слов. В качестве примера можно привести очень интересную ситуацию параллельного существования в русском языке слов *сложность* и *сложностность*. Введение нескольких букв, которые принципиально меняют значение слова, с одной стороны, пример освоения **вербальных «нано» технологий**, с другой, – подтверждение того, что искусство бывает значительно более чувствительно к фундаментальным парадигмальным подвижкам, нежели наука (подтверждением сказанному могут быть опыты по трансформации слов, проводимые русскими футуристами в начале XX века).

Именование парадигмы является своеобразной терминологической **провокацией**, за которой следует осмысление произошедшей манифестации. Обнаруживаются, как минимум, на два направления подобных осмыслений.

1. Имя парадигмы включает своеобразное *терминологическое поле*, в котором начинают всплывать (пахтаться) ключевые термины (*терминологическое окружение парадигмы*). Интенции по поводу этих терминов, возникающих терминологических связей способствуют их *концептуальному развертыванию* (превращению терминов в концепты). Этот процесс можно считать наряду с *именованием* еще одним направлением исследования парадигмы.

Элементарный пример: размышления о *сложностной парадигме* актуализируют развитие представлений о *сложностном наблюдателе*.

2. Параллельно с *ключевыми терминами*, окружающими имя новой парадигмы, формируется и «*маргинальное терминологическое окружение*» (или иначе – термины парадигмального фона). К ряду этих терминов следует отнести слова, которые возникают, казалось бы, случайно, внимание на их значениях не акцентируется, но достаточно естественно предположить, что именно эти слова во многом ответственны за *переключение* имени парадигмы, за рассасывание устойчивых терминологических связностей, возникающей вокруг соответствующего имени. Ключевые термины способствуют проявления некой парадигмальной конструкции, предопределяющей процессы парадигмального становления. Однако этот этап парадигмальных исследований пока достаточно сложен для прояснений.

Из отмеченного можно заключить, что три представленных варианта исследовательской деятельности – *именование парадигмы, обнаружение ключевого*

терминологического окружения имени парадигмы, обнаружение фоновых терминов, окружающих имя парадигмы, представляют собой важнейшие направления изучения становящейся парадигмы.

О правомерности выражений «философская парадигма», «культурная парадигма»

Представленные выше рассуждения позволяют оценить степень правомерности использования выражений «философская парадигма», «культурная парадигма».

Из того, что схватывание заканчивается *именованием* («вылавливанием концептов») может последовать скороспелый и неверный вывод: если, с одной стороны, вылавливание концептов (равно как и составление планов имманенции и консистенции) суто философский вид деятельности (опять же, согласно Делезу/Гваттари), с другой стороны, эти же операции осуществляются в ходе наблюдения парадигмы, то выражение «философская парадигма» имеет право на существование. К сожалению, с подобным утверждением, скорее всего, нельзя согласиться. Когда мы говорим о «научной», «культурной» «философской» парадигмах, то с помощью эти словосочетаний в языке происходит своеобразное переключение: от *наблюдений за становящимся* (формирующейся парадигмой) мы переключаемся к *исследованию схваченного*. Можно сказать и так: универсумные *наблюдения* переключаются на мировые *исследования*, связанные с изучением проявленных в окружающем мире сущностей. Философ призван заниматься наблюдением за процессами становления парадигмы. И философ перестает быть философом, если попадает под влияние какой-либо парадигмы (не об этом ли в свое время говорил Бэкон?). По этой же причине употребление словосочетания «философская парадигма» является не совсем корректным. Философ, «взламывая» любые застывшие парадигмальные формы, пытается постигнуть причины (законы) парадигмальных манифестаций.

Что же касается выражения «культурная парадигма», то тут все не так просто. С одной стороны, культура включает в себя науку (да и процессы культууроосмыслений осуществляются, отчасти, научными методами, что ведет к очевидным влияниям существующей научной парадигмы). С другой стороны, культура предстает результатом творческой деятельности человека в самом широком смысле этого слова. Деятельность в сфере самых различных искусств, в лучших ее образцах, это, чаще всего, надпарадигмальный уровень освоения мира. Автор этих строк хорошо понимает, что подобные утверждения требуют более серьезных прояснений. К сожалению, рамки публикации не позволяют осуществить соответствующую работу. Можно лишь ограничиться одним примером-вопросом: Что изображено на большей части полотен Василия Кандинского и почему картины, представляющие то, чему весьма сложно найти аналог в окружающем человека мире, так настойчиво привлекают внимание зрителей? Или: что пытался ухватить в своих текстах Ж.Деррида? Не то ли, что стоит за языком, направляя его проявленности?

Тем самым, выражение «культурная парадигма» лишь отчасти можно считать правомерным.

Но тогда неразрешенным остается вопрос: почему в современном культурном континууме так настойчиво актуализируются словоупотребления – «культурная парадигма», «философская парадигма», «научная парадигма», «образовательная парадигма»...

Когнитивный поворот или конвергентный тренд?

Среди многочисленных «поворотов», о которых рассуждают в последнее время («визуального», «языкового», «культурного», «гуманитарного»,...), обнаруживаются упоминания и о **когнитивном** повороте. Самое обилие «поворотов» кажется вполне понятным. Фундаментальный культурный «сдвиг», который переживает современное человечество, и о котором, в свое время, писал Э.Ласло [11], проявляет себя многочисленными поворотами. По этим поворотам, как по направлению наиболее

очевидных трещин, разломов в тектонических плитах, можно отслеживать глобальных характер фундаментальных трансформаций, происходящих буквально на наших глазах...

Представленные в данном тексте рассуждения можно обобщить следующим образом.

1. В качестве определенного развития представлений о парадигме можно предложить следующий вариант ее дополнительного определения: **парадигма** предстает *сверхсложным открытым саморегулирующимся человекокосмомерным терминологическим образованием.*

2. В исследованиях парадигмы обнаруживаются три важнейших направления:

1. Именованье, а затем и изучение имени парадигмы.

2. Исследование ключевых терминов формирующейся парадигмы (*терминологического окружение имени парадигмы*).

3. Изучение терминологического фона, сопровождающего обсуждение имени парадигмы.

3. Широкое употребление термина парадигма в современном культурном континууме можно считать, с одной стороны, отражением совершающегося *когнитивного поворота*, с другой – результатом усиливающегося конвергентного тренда.

Список использованной литературы

1. Аршинов В.И. Об иерархии // Некоторые проблемы диалектики. – Вып. VII. Программно-методические материалы в помощь философским семинарам АН СССР, – М.: ИФАН, 1973. Афанасьев А.И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки: моногр. / А.И. Афанасьев. – О.: Бахва, 2013. – 288 с.

3. Богатая Л.Н. Проблематизация темы мышления / Философия мышления : [сборник статей] / ред. кол. Л.Н. Богатая, И.С. Добронравова, Ф.В. Лазарев; отв. Ред. Богатая Л.Н. – Одесса : Печатный дом, 2013. – 444 с. – С.163-195.

4. Вельш В. Наш постмодерний модерн / Пер. з нім. А.Л. Богачова, М.Д. Култаєвої, Л.А. Ситніченко – К.: Альтерпрес, 2004. – 328 с. – («Сучасна гуманітарна бібліотека»).

5. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с франц и послесл. Я.И. Свирского; науч. Ред. В.Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.

6. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари; [пер. с франц. И послесл. С. Н. Зенкина]. – СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.

7. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная революция, когнитивный поворот // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С.72-73.

8. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 516 с.

9. Крымский С. Экспликация философских смыслов / С. Крымский. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 240 с.

10. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун; [пер. с англ., сост. В.Ю. Кузнецов]. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.

11. Ласло Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) / Э. Ласло; [пер. с англ. Ю. А. Данилова]. – М.: Тайдекс Ко, 2004. – 208 с.

12. Морен Э. К пропасти? / Э. Морен; пер. с франц. Г. Наумовой. – СПб.: Алетейя, 2011. – 136 с. – (Gallicinium).

13. Пригожин И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс; [пер. с англ. Ю.А. Данилова]. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

ЗМІСТ

Вступ	4
Тематичний план.....	7
Зміст курсу.....	8
Базові поняття курсу.....	13
Контрольні питання.....	14
Основна література до курсу.....	15
Додаткова література до курсу.....	17
Інтернет-ресурси.....	19
Додаток.....	20

Навчальне видання

Богата Лідія Миколаївна

Методичні вказівки з курсу «Методологія постмодерну»

для самостійної роботи студентів спеціальності

7.02010101 / 8. 02010101 «Культурологія»

(згідно з вимогами кредитно-модульної системи)

Видано в авторській редакції

Підп. до друку 20 .10.2015 р. Формат 60*90/16

Гарн.Таймс. Тираж 50 прим.

Заказ

Печать СПД-ФЛ Назарчук С.Л.

Свидетельство ВО2 № 948403 от 10.09. 2001.

65009, Одесса, Фонтанская дорога, 10, тел. 795-57-15

e-mail: selen_odessa@ukr.net